

Г е н н а з и й
П Р А Ш К Е В И Ч
А л е к с а н д р
Б О Г Д А Н

П Р О Т И В О Г А З Ы
Д Л Я С А Д Д А М А

*Роман о выживании
в современном бизнесе*

Геннадий Прашкевич

Противогазы для Саддама

«Автор»

Прашкевич Г. М.

Противогазы для Саддама / Г. М. Прашкевич — «Автор»,

Современный деловой мир – это густая и чрезвычайно чувствительная сеть, мгновенно реагирующая на любые значительные события в мире. Как можно и возможно ли выжить в современном бизнесе. «Если ты занимаешься серьезным бизнесом, – говорит один из героев романа, – если ты ворочаешь большими деньгами, ты постоянно находишься в серьезных тисках. Поначалу ты озабочен тем, как заработать большие деньги, потом – тем, как уберечь заработанные большие деньги».

© Прашкевич Г. М.

© Автор

Содержание

(Повесть смутного времени)	5
Часть первая	6
Араб	6
Философия бизнеса	12
Виталька Тоцкий	18
«Русский чай»	26
Поддержать за обезьяну	32
Ночной звонок	39
Часть вторая	45
Задача	45
Нулевой вариант	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Геннадий Прашкевич, Александр Богдан

Противогазы для Саддама

(Повесть смутного времени)

Плачь, плачь – я куплю себе холодильник, «Бош» в миниатюре, терракотовую копилку, тетрадку в тринадцать линеек, акцию «Монтекатини»;

плачь, плачь – я куплю себе белый противогаз, пузырек тонизирующей микстуры, железного робота, катехизис с картинками, географическую карту с победными флажками;

плачь, плачь – я куплю себе резинового кашалота, бассейн, рождественскую елку с иголками, пирата с деревянной ногой, складной нож, красивый обломок красивой ручной гранаты;

плачь, плачь – я куплю себе столько старинных марок, столько свежего фруктового сока, столько деревянных пустых голов, что этот мир уже никогда не будет казаться грустным...

Эдоардо Сангвинети в переводах Александра Карпицкого

Часть первая «Русский чай»

Араб

Облака под самолетом лежали от горизонта до горизонта – белая, бесконечная, безжизненная, а потому скучная равнина. Никто никогда, размахивая руками, не бегал по облакам, в принципе не мог бегать. Но вот в провалы, вдруг сумрачно открывающиеся в редких облачных разрывах, Сергей заглядывал с любопытством.

Из сумеречных провалов, казалось ему, несло сыростью погребя.

Там, глубоко внизу, в неясных безднах клубились густые тени, там, наверное, кипела жизнь. Это здесь, над облаками, все было как-то искусственно замедленно, все текло в раздражающе неторопливом темпе.

Сосед слева уснул.

Соседу справа тоже что-то снилось, он вздрагивал во сне.

Сергея раздражал беспокойный сон соседей, но, в конце концов, идеальных состояний не существует, с чем-то всегда приходится мириться. Да и не соседи были виноваты в его настроении.

Так...

Дела...

Шли они в последнее время ни шатко, ни валко, время от времени Сергею даже везло, но он чувствовал, он чувствовал, что время успеха кончилось, не успев дать настоящего взрыва, что время успеха действительно упущено, и непонятно, как его вернуть. Несколько последних сделок с перепродажей чая, в принципе, прошли удачно, даже принесли некоторый доход, но инфляция... но отдаленность Томска от столицы... Инфляция, как кислота, съедала доходы, а расстояния, которые приходилось преодолевать закупленному в Москве товару, довершали дело...

В лучшем случае, топтание на месте.

В последнее время Сергей даже перестал заглядывать в коммерческие издания, хотя ему нравилось листать глянцевые страницы. Листать эти издания, как заглядывать в будущее – в свое собственное, конечно! Видишь строку – «Мясоконсервный завод» и понимаешь: вот выгодное дело! Даже придурку ясно, что, имея мощный мясоконсервный завод, можно зарабатывать очень неплохие деньги... Или – «Столярный цех». Это Сергею знакомо. Когда-то сам имел дело со столярным цехом. С самым настоящим. Не все тогда у него получилось, но не его в том была вина. Сейчас, получи он в свои руки столярный цех, он бы сумел развернуться...

Или вот – «Ресторан в центре города».

Да что говорить! С хорошим рестораном, да еще в центре города, не прогоришь. Самое милое дело – ресторан. Побольше тепла, побольше улыбок, не жалея тепла, чтобы все вокруг пело! Люди любят улыбку. Меняй вовремя салфетки, держи хорошего повара, улыбка, еще раз улыбка! – не жалея улыбок, не жалея сил, и результат скажется!

Ладно, сказал он себе.

Главное, не раскисать. Все впереди, это главное.

Вспомни, сказал он себе, что творилось в стране несколько лет назад. Бардак, один сплошной бардак. Так и казалось: бардаком началось, бардаком кончится. Покричат, пошумят, постреляют, покажут по TV очередное «Лебединое озеро», и все, – привет перестройке!

Снова втягивайся в толпу похмельных работяг и чиновников, бреди на кем-то определенное тебе рабочее место.

Так могло случиться.

Очень даже могло, правда, пронесло, не случилось.

Так что не впадай в прострацию, сказал он себе, думай не о том, что тебе не удалось, а думай о том, что тебе должно удалиться. Перспектива имеется. Сейчас точно имеется перспектива. Особенно для энергичных деловых людей, а не для тех, кто во все времена и при всех режимах червей из норок выманивал магнитом.

Если бы не инфляция...

Угнаться за инфляцией невозможно.

Все, что успеваешь, это хоть как-то возвращать деньги, вкладываемые в дело. Любая прибыль мгновенно проваливается в бездонную пропасть. Что-то вроде знаменитой задачи о быстроногом Ахилле, который никак не может догнать медлительную черепаху.

А ведь странно.

Почему бы не догнать ее?

Просто потому, что нельзя нарушать придуманные кем-то правила?

Ладно, остановил он себя. Правила есть правила, не будем пока об этом.

И вообще, было ли такое время, когда бы он летел в Москву просто так, свободно, не занимая время и голову подобными размышлениями?

Было.

И летал.

И не занимал голову.

Ну и что? – спросил он себя. Что тебе это принесло? Радовала тебя судьба доцента?

Мужчина, сидевший в трех креслах впереди по левому ряду, окликнул стюардессу, разносившую газеты, и Сергей усмехнулся – так сильно он напомнил Валентина Якушева. Сергея всегда удивляло сходство людей. Непохожесть – это как-то всегда ясно, непохожесть не требует объяснений, не вызывает вопросов, но вот сходство... Почему, черт возьми, где-нибудь в Якутске можно встретить человека, безумно похожего на того, с кем ты дружил когда-то в Киеве или в Рязани? Ведь никакого родства между ними нет, вообще ничего общего нет, никаких связей, от разных обезьян произошли, а поди ж ты, как братья!

Светловолосый мужчина действительно походил на Валентина.

Колоритный тип!

Когда в прошлом году Сергей гнал «пятерку» в Новосибирск, чтобы забрать в аэропорту Толмачево своего старшего брата Левку, прилетевшего из Москвы, он знал только то, что Левка на этот раз решил вывезти на отдых в Алтайский край кого-то из сотрудников своей фирмы. «И ты приезжай, скучно не будет, – сказал Левка по телефону. – Голову надо вовремя проветривать. Тем более, что моих ребят ты почти всех знаешь». – «Почему почти?» – «А с нами будет один новый человек, – пояснил Левка. – Он тебе понравится. Отвечает у меня за безопасность фирмы». – «Полностью работает на тебя?» – «Ну, полностью в Москве занять опытного человека дорого», – засмеялся Левка. – «Он еще где-то вкалывает?» – «Не без этого». – «Где?» – «Да так... В одном месте...» – уклонился от прямого ответа Левка. – Давай не отлынивай, приезжай!»

Турбаза (Левка являлся ее совладельцем) понравилась Сергею.

Пахнущая сосной жаркая баня над ледяным ручьем. Просторная столовая в бревенчатом коттедже. На большой поляне, поросшей ромашками, войлочные юрты для любителей экзотики.

Было что посмотреть.

Над степью плавилось рыжее солнце, дышала надежным теплом выжженная каменистая почва, а вдали на скальных склонах Курайского хребта то растягивалась длинная туча, поливая

склоны дождем, то та же самая туча высыпала на отроги полосы снега. Привыкнуть к такому постоянству одинокой тучи было трудно, никакого терпения не хватало привыкнуть к этой темной неистово работающей над отрогами хребта туче, никогда почему-то не опускавшейся до турбазы. Никакого терпения не хватало привыкнуть к прозрачному воздуху, к поразительной утренней тишине, к пенистому водопаду, круто запиравшему быстрый ледяной ручей метрах в пятистах от бани.

Задерешь голову – голова кружится.

Вода мощно низвергается прямо на тебя, кажется, вот сейчас пенящаяся ревущая масса тебя раздавит! Но, круто изгибаясь, кипящая кружевная лента рассыпается в воздухе и странным крупным дождем выпадает в каменное корыто русла...

С Левкой приехали несколько человек.

Это были уже знакомые Сергею по Москве энергичные Бычки – отец и сын, а с ними Дима Семенов, Вероника и прежде незнакомый Сергею – Валентин Якушев. Тот самый, про которого Левка сказал по телефону: «Отвечает у меня за безопасность фирмы».

Как вскоре выяснил Сергей, Валентин попал к Левке по просьбе своей жены.

Аня Якушева уже три года работала у Левки главным бухгалтером. Родом она была из Томска, спокойная, надежная, общительная женщина. И юмором природа ее не обделила. «В августе просыпаюсь, – как-то рассказала она, – включаю телевизор, а на всех каналах печальная музыка, или лебеди танцуют, ну, все такое прочее. Я одну программу, потом другую, потом третью. Везде или тишина, или музыка, или лебеди танцуют. Ну, думаю, опять кто-то наверху помер. А тут трещит телефон. Валентин поднял трубку, а ему из трубки: «Ну, как, Валентин Иванович, чувствуют себя *внутренние органы*?» Валька сперва ничего не понял, а я ему пальцем на лебедей показываю...»

Короче, до встречи на Алтае Сергей о Валентине знал совсем немного – несколько вот таких историй, рассказанных братом или веселыми Бычками. Ну, работает Валентин в *органах*, может, в МВД, ну, помогает ребятам, и Бог с ним. Левка прав, сейчас здравомыслящие люди стараются подработать, где могут, плохого в этом нет. Почему бы службой безопасности в частной фирме не заниматься профессионалу из органов? Тем более, что времени ему, кажется, хватает на все.

Органы на самом деле оказались Конторой.

А Валентин красавцем.

Сразу было видно, что не глуп, и не хил. Картинно белокур, плотно сложен. Глаза пронзительные, голубые. Небесные, так скажем, глаза. Как все нормальные люди, Сергей к людям из Конторы относился с инстинктивным недоверием, но Валентин излучал нечто такое...

Трудно сразу определить...

И на все всегда был готов.

«Искупаемся?»

«Нет проблем»

«Под водопадом?»

«Нет проблем».

«А на ту гору сбегает?»

«Нет проблем».

Сергей с интересом присматривался к Валентину, никак не выходило из головы слово – Контора.

Правда, всякие эти мысли скоро повыветрились, остался общительный голубоглазый мужик, охотно поддерживавший любую затею, любой разговор. Как ни странно, но именно Валентин, коренной москвич, первым разобрался в мире звуков и запахов, густо затоплявших алтайскую турбазу. В принципе, Сергей и сам мог растолковать, цокает на полянке длиннохвостый суслик или это передразнивает его каменка-плясунья, такая крошечная птичка, бес-

церемонно селящаяся в старых норах, несет с ручья душным запахом зеленого клопогона или это растрепало ветром резной ветвистый страусопер, но у него-то, у Сергея, был многолетний опыт коренного сибиряка, при этом он не раз бывал на Алтае, а вот где поднабрался знаний московский капитан госбезопасности?

До встречи с Валентином Сергей считал существование Конторы чем-то само собой разумеющимся, но при этом к нему, к Сергею, имеющим как бы только самое отдаленное отношение. Откуда появляются такие представления, неизвестно, но так все и было. Сергей прекрасно знал, что некая Контора действительно существует, что ее люди всегда где-то рядом, может, даже рядом с тобой, но они незаметные, они совсем неслышные и невидные, их как бы и нет, функционируют себе по себе, и Бог с ними. У него, у Сергея, к примеру, кишечник функционирует, что ж, думать об этом постоянно?

Странная штука – профессия, усмехнулся Сергей, прислушиваясь к глухому шуму самолетных турбин, и внимательно разглядывая издали мужчину, оказавшегося похожим на капитана Якушева. Почему можно запросто подойти к машинисту метро, или к таксисту, или даже к ассенизатору и запросто осведомиться: слушай, приятель, а как ты дошел до такой профессии? Вот спросил, поинтересовался, дело в общем простое, никто не в обиде. А к человеку из Конторы почему-то так просто не подойдешь. А если и подойдешь, то не очень-то и поинтересуешься. Спросить у человека из Конторы напрямую о его профессии это почти то же, что поинтересоваться у случайного прохожего: послушай, приятель, где это ты триппер словил?

Сергей чуть не рассмеялся.

Сакраментальный вопрос (не о триппере, конечно, а о профессии) он умудрился задать Валентину в первый же вечер на Алтае, а Валентин, к его чести, ответил прямо. «Чем занимаюсь? Вопросами безопасности».

Вот и все.

Но, конечно, Сергей внимательно присматривался к Валентину.

Сдержанный человек, верно, но если понадобится – всегда готов выдать россыпь анекдотов.

Язык опять же.

Хитрый, иносказательный язык.

Люди из Конторы по сути своей язычники. Валентин, например, вообще не употреблял в разговорах конкретных имен. «А-а-а, этот перец, – кивал понимающе. – Ну, знаю. Видел вблизи. В Белом доме. У него улыбочка отличника-ябедника». Или: «А-а-а, этот большой руль. Ну, знаю. Один депутат через меня пересылал ему однажды записку, сильно просил не выделяться, правильно употреблять с трибуны глагол *звонить*». Или: «А-а-а, этот. Ну, знаю. Он полевую сумку носит на поясе, подчеркивает, что человек военный».

И ни одного конкретного имени.

Только перцы и большие рули, хотя сразу понятно, о ком идет речь.

Правда, с языком в последнее время не слишком носятся. Сергей сам слышал в томском трамвае, как длинноволосый кондуктор (наверняка студент, решивший подработать) орал весело: «Пиплы, хватайте тикеты! Стрёмно не брать тикеты, пиплы! Тикет – клевая отмазка от ментов, контры и прочего стрёма!»

И ничего.

Усталые пиплы, кто с рынка, а кто с работы, вполне понимали длинноволосого, не переспрашивали, кое-кто даже билеты брал.

Надо будет позвонить Валентину, подумал Сергей.

Интересно, как смотрится человек из Конторы на фоне московских улиц? Не на фоне Курайского хребта, а вот именно на фоне московских улиц. Хорошую он, кстати, улицу выбрал для обитания – Красноказарменная. Кажется, она пересекает Шоссе Энтузиастов. Где-то неподалеку от гостиницы «Урал».

Самолет трянуло.

Явлюсь сейчас к Левке, потом в МАП, закуплю товар, закажу грузовой вагон и отправлю в Томск чай и кофе. А потом поищу чего-нибудь экзотичного – за наличку. Бизнес – вещь, в сущности, простая, главное, выдерживать нужный темп. Прикидывая все это, Сергей машинально развернул газету с курсом валют.

За последние сутки доллар вырос сразу на пятнадцать пунктов.

Ровно год назад, вспомнил он, двадцать четвертого июня одна тысяча девятьсот девяносто второго года доллар стоил ровно столько...

Инфляция.

Покупаешь товар, и сразу терпишь убытки.

В одном пока только везет: деньги я перебрасываю в Москву через Московское Акционерное Предприятие. Надежная фирма.

Если Левка оставил машину на обычном месте, прикинул Сергей, через час, считай, буду в офисе. Ездить по Москве Сергей не любил, но без машины в Москве неудобно. В аэропорту он сразу подошел к таксофону. Мог, конечно, и не звонить, но такая сложилась привычка: всегда звонил в МАП прямо из аэропорта. Не по необходимости, скорее, из суеверия. Услышав от главбуха, что деньги еще вчера пришли на счет, он повесил трубку.

Вот теперь все.

Вот теперь можно забыть о самолете и перевести время с томского на московское.

Он взглянул на часы.

Самые обыкновенные отечественные электронные часы.

Сергею их подарили недавно. Совсем новые. Но, может, Сергей где-то встряхнул их сильнее, чем следует, или они не были рассчитаны на московскую температуру, – в светлом окошечке экрана мерцали цифры, совершенно непривычные для обыкновенных часов (даже для отечественных) – 49.77. То есть, собственные часы пытались убедить Сергея в том, что он прибыл в Москву в сорок девять часов семьдесят семь минут утра.

Зал ожидания был неполон.

Кое-где громоздились клеенчатые тюки и баулы, челноки пили чай и кофе, бомжи поглядывали на них заискивающе, расслабленно прогуливались милиционеры. Кажется, Домодедово не жаловалось на отсутствие керосина и летной погоды. Это успокоило Сергея. Он расстегнул ремешок и без жалости выбросил часы в урну. Он всегда готов поддерживать отечественное производство, но жить удобнее по стандарту.

Никто не заметил, как Сергей бросил часы в урну.

Бомжи и милиционеры больше интересовались пожилым арабом, стоявшим коленями на коврике, брошенном на пол перед газетным киоском. Аллах знает, что это был за араб, почему он молился в Домодедово. Бросив на бетон цветастый коврик, араб падал лицом на пол, высоко задирал зад. Судя по белому бурнусу, это действительно был араб, а не татарин, и не узбек. В огромном зале аэропорта он казался маленьким, совсем обыкновенным, но все действия, само присутствие как-то выделяли его из привычного мира.

Сам араб, впрочем, ни на кого не обращал внимания.

В данный момент весь этот зал, весь аэропорт являлись для него лишь обрамлением собственного внутреннего мира. Интересно, усмехнулся Сергей, как он тут ориентируется? Как находит верное направление на Мекку? В зарубежных аэропортах обычно рисуют на потолках специальную стрелку, а здесь? Может, у него есть компас?

Он усмехнулся.

Сперва отечественные часы, теперь – араб.

Впрочем, плевать на араба. Не бомбу закладывает, а молится. Два года назад американцы хорошо надрали арабам задницу. Наделали, придурки, потрясений. В первые часы операции “Бури в пустыне” мировые цены на нефть взметнулись с тридцати одного доллара до сорока,

правда, так же быстро и упали, поскольку американцы по распоряжению президента Буша выбросили на мировой рынок сразу более миллиона баррелей нефти. Да и мордастый генерал Норман Шварцкопф не подвел.

Короче, справились с Саддамом Хусейном.

А этот араб...

Что мне до него?

Усмехнувшись, Сергей направился к выходу.

Философия бизнеса

В первый же день Сергей закупил чай и заказал грузовой вагон в почтово-багажном поезде. Обедал на ходу на площади трех вокзалов – в кафе напротив Универмага, только кофе (ближе к вечеру) пил в МАП. Эти кофепития (ставшие традиционными) Сергей ценил, справедливо принимая их как знак особого внимания со стороны Карпицкого. Мало того, что Александр Карпицкий играл не последнюю роль в Московском Акционерном Предприятии (заведовал отделом, отвечающим за валютные операции), но в прошлом профессионально занимался философией и литературными переводами.

Это почему-то действовало на Сергея.

Не английская и немецкая поэзия, понятно, ее в России всегда переводили многие, а итальянская!

Все итальянское у нас как-то немного в стороне, это что-то такое, в чем никто как бы не испытывает особой необходимости, да и всяких собственных Помпей у нас хватает, и все же... Карпицкий и кандидатскую защитил до перестройки, и в бизнесе состоялся рано. В МАП его пригласили как известного специалиста, и пришел он туда с собственными водителем и собственной секретаршей. Конечно, не он вершил судьбами Московского Акционерного Предприятия, но он входил в самые его верха.

Сергей же вырос в Киселевске – в небольшом шахтерском городке, расположенном в Кузбассе. Он рано потерял отца. Во всех смыслах рано: отец умер, не успев выйти на пенсию. Жить пришлось самостоятельно. Поступив после школы на химфак томского политеха, Сергей получил нетривиальную специальность – химическая кибернетика. Его всегда привлекали не только Бутлеров и Менделеев, но и Винер (о Гейтсе тогда никто не слышал). В восемнадцати благополучно защитился, женился, росли двое детей. Привычный к работе, не гнушался никаким побочным приработком. Спортom не занимался, зато плотничал, валил лес, руководил студенческими стройотрядами. Лекции в институте это как бы само собой, они шли как бы в некоем параллельном мире. От этого Сергею казалось иногда, что у каждого нормального человека жизнь такая – всегда на разрыв, на два фронта. Сто шестьдесят рублей кандидата наук – это, понятно, не много. Зато на Севере, даже ближнем, можно было в те времена (при удачном раскладе) ухватить до двадцати процентов от сметы.

Впрочем, для семейного человека даже ближний Север оставался далеким, поэтому Сергей предпочитал верняк, – например, строительные объекты томского нефтехима. Там можно было взять все семь процентов от сметы. Это, конечно, не двадцать, зато верные деньги. Одно лето стройотряд Сергея рубил просеку. Шестнадцать человек (девять – девушки) проделали за два месяца такой объем работы, что результатам ее с трудом поверил сам Сергей. В другое лето его бригада бетонировала гигантский, как стадион, накопитель, все там же, на нефтехиме. За пару месяцев залили три с половиной тысячи кубов! Сергей это на всю жизнь запомнил. Так урабатывались, что падали вечером как мертвые.

Зато появились деньги.

Оказывается, умелые руки и умная голова могут творить чудеса, если их организовать правильно.

Нелегкая жизнь, но интересная.

Сергею она давала возможность жить так, как ему хотелось.

Именно *ему*, а не декану факультета, скажем. Живя такой энергичной жизнью, Сергей не только кормил семью, но и спокойно думал о будущем. К тому же, всегда имея вполне нормальные деньги, он сумел вовремя определить правильное к ним отношение. Ему не раз приходилось видеть, как большие деньги меняли людей. Иногда очень сильно. В тихих людях вспыхивали неожиданные амбиции, а вчерашние рубахи-парни превращались в страшных скряг. И

еще, заметил Сергей, заработав приличные деньги, люди, как правило, крайне неохотно с ними расстаются, даже когда это необходимо. Однажды Сергей сказал плотнику Грише, которому ребята набили морду за его невообразимую жадность: «Ну что, полегчало тебе? Долги, Гриша, надо отдавать вовремя. Вот ты ходил, мотал себе душу, все надеялся – обойдется, а теперь тебе и долг надо отдавать, и морду побили. Что хорошего? Легче тебе от этого?» – И Гриша, размазывая по лицу кровь и пьяные слезы, с ненавистью выдохнул: «Не легче...»

Сам Сергей так решил: никогда его отношения с людьми не будут определяться деньгами. Деньги это дерьмо, деньги это песок. Без денег трудно, без них порой невозможно, все равно деньги – дерьмо, песок. К тому же, денег в мире много, а значит, их всегда можно заработать. Только соблюдай простые правила. Например, не залазь в долги, а если уж залез, не бегай от долгов. Не гоняйся за невозможным, рассчитывай силы. Если можешь помочь компаньону, не раздумывая, бросай на стол нужную ему сумму, и не требуй никаких расписок. В отношениях ищи доверительности. Если небесная механика работает (а она, как это ни странно, работает), деньги вернутся к тебе сторицей. При этом еще до возврата они сослужат для тебя незаметную, зато важную службу.

Но, конечно, Сергей изменился.

«Знаешь, – однажды сказала ему жена. – Ты стал другим».

«В чем это выражается?» – обеспокоился Сергей.

«Ты приходишь домой, и я вижу, что это ты. Ты проводишь вечер в доме, и я вижу, что это ты. И ночью ты, и вечером. А вот утром только раздастся первый телефонный звонок...»

«Ну?»

«Ты сразу превращаешься в чужого человека».

«То есть?»

«Ну, ты сразу становишься другим. Совсем другим. Уходишь в себя. Не знаю, как объяснить... Ты будто в одно мгновение перебрасываешься в какой-то другой мир, где меня уже нет. Ты перестаешь меня замечать, уходишь в непонятные мне мысли...»

Он понял.

Он засмеялся.

«Оставь, – успокоил он жену. – Пусть тебя это не мучает. Это все в порядке вещей. – И попытался объяснить: – Вот представь, что мы живем в каменном веке. Ссуду нам никто не даст, ежу понятно, и мясом у нищих соседей не сильно-то разживешься. Нам принадлежит только то, что мы можем добыть собственными руками. Но и это, кстати, могут отобрать более сильные соседи. И вот я просыпаюсь, а ты намекаешь: у нас развалился очаг, мусором забита пещера, шкуры драные, и то, значит, и это. И все совершенно правильно, все по делу, ты во всем права, но утром, проснувшись, я уже действительно не слышу тебя, потому что во мне сразу включаются мысли о деле. Я, конечно, похрюкиваю что-то в ответ на твои слова, но при этом уже держу в руке каменный топор, потому что в отличие от тебя, сильно чувствую – нужный нам мамонт, он где-то рядом. Понимаешь? Телефонный звонок для меня является таким вот чувством близкого мамонта».

«Мы снова вернулись в каменный век?»

Сергей покачал головой:

«Не знаю».

Потом он как бы забыл сказанное женой, но на самом деле ее слова постоянно сидели где-то в подсознании и вдруг всплывали в самые неподходящие моменты. Потому и нравились Сергею встречи в кабинете Карпицкого, что с ним можно было говорить обо всем, даже о жене и мамонте. Умница Карпицкий понимал подобные чувства. Более того, умнице Карпицкому можно было задавать любые вопросы. Если он мог, он отвечал.

Даже на самые странные.

Вот и сегодня, прищуриль серые глаза, он задумчиво повторил:

– Философия бизнеса?

И уточнил:

– Тебя ведь интересует не западный бизнес? Там по философии бизнеса написаны целые библиотеки. Тебя, если я правильно понял, интересует философия нашего российского бизнеса? Сегодняшнего бизнеса?

– Разумеется.

Легкая улыбка тронула узкие губы Карпицкого:

– Философия нашего бизнеса очень проста. Настолько проста, что ее можно выразить одним словом.

– Каким?

– *Выжить*.

– Что значит *выжить*? – удивился Сергей.

– А вот то самое и значит, – повторил Карпицкий. – *Выжить*. Именно так. И не иначе. Большие деньги, Сергей, далеко не всегда действуют на человека успокаивающе. К тому же, как это ни странно, вовсе не деньги двигают нашими поступками.

– Ну да!

– Вот тебе и ну да, – улыбнулся Карпицкий. – Может, в Томске внешне это выглядит не совсем так, как в Москве, но, уверяю тебя, что на самом деле никакой разницы нет. Если ты занимаешься серьезным бизнесом, если ты ворочаешь большими деньгами, ты постоянно находишься под давлением, ты постоянно находишься в невидимых, но серьезных тисках. Сперва ты озабочен тем, как заработать большие деньги, потом тем, как сохранить заработанное. Вот это и становится доминантой всех твоих размышлений. Ты начинаешь думать только об этом. Ты превращаешься в муравья. Ведь в муравейнике все четко определено, там есть тропинки, по которым ты обязан бегать, и есть тропинки, на которые ступать нельзя, иначе тебя затопчут или примут за чужака. Ты должен следить за окружающим, ты должен ограничивать себя в движениях. У тебя появляется масса друзей и масса доброжелателей. Все они как бы помогают тебе охранять заработанные тобой большие деньги, но на самом деле все они думают только о том, как бы побыстрее их у тебя отнять. К сожалению, таков наш менталитет. В России еще не скоро научатся относиться к деньгам так, как относятся к ним в Штатах, в Европе или в Израиле.

Карпицкий усмехнулся:

– Лет пять назад мне пришлось плотно сотрудничать с неким Сергеем Зотовым. Ты его должен помнить, он был одним из первых, кто сделал значительное состояние на водке. Даже очень значительное. Однажды я приехал к нему за наличкой. В офисе на Котельнической Зотов провел меня в большую комнату и указал на картонную коробку из-под компьютера: «Вон деньги. Бери». Я вывалил на пол груды банковских упаковок, мебели там никакой не было, и начал считать. Сумма большая, я пересчитывал трижды, торопился, и все время у меня получались разные результаты. Зотов, увидев это, страшно удивился: дескать, что за проблемы? Посчитать не можешь? Смотри, как просто! И вдруг, упав на четвереньки, побежал по кругу вокруг упаковок, ловко раскидывая их в стороны. Он был маленького роста, тщедушный и в этот момент ужасно походил на бездомную собаку. «Здесь столько-то! – уверенно заявил он. – Можешь не пересчитывать». Возможно, такой метод подсчета был для него просто шуткой, но в тот вечер мы расслабились, и обычно неразговорчивый Зотов разговорился. Подозреваю, что это было спровоцировано не столько его отношением ко мне, сколько чувством его собственного одиночества, которое он не мог разогнать. Я спросил, какого черта он проводит всю жизнь в стенах своего офиса, почему он нигде не появляется? Зотов ухмыльнулся. «Знаешь, – сказал он, – с тех пор, как у меня появились большие деньги, я вообще перестал жить. Раньше я жил бедновато, по нынешним меркам, вообще не жил, но все-таки жил. Любил театр, любил кино, хотя из-за постоянного безденежья редко попадал на премьеры. Любил ночные клубы,

хотя то же безденежье почти не позволяло бывать в них. Сейчас, как понимаешь, денежных проблем у меня никаких, но я потерял интерес к развлечениям. Я перестал бывать в театрах и в ночных клубах. Если навстречу мне идет человек, я сразу читаю в его глазах – *дай денег!*»

*И только дождь долбит: дай денег, денег, денег! Долбит по капле дождь,
и тишина долбит...*

Как понял Сергей, Зотов на этом и сломался.

К Зотову каждый день шли люди. К нему шло много разных людей.

В сущности, шли они при этом не конкретно к Зотову, а к некоему символу, к человеку, который, по их мнению, имел слишком много денег. Менты и рэкетеры, вдовы и афганцы, дельцы и мошенники, научные сотрудники и сумасшедшие, представители депутатов и представители бандитов, отцы-инвалиды, спортсмены, изобретатели, шлюхи. Однажды к Зотову заявился бывший офицер-подводник. Он сказал, что знает, где именно лежит на балтийском мелководье затопленный во время войны фашистский военный транспорт. Этот транспорт якобы вывозил из России награбленное золото. Набит золотом, понятно, по верхушки труб. Потому и затонул. Ходят слухи, что на борту этого транспорта находится и знаменитая янтарная комната. «Дайте мне сто тысяч баксов, – доверительно заявил бывший подводник, – и считайте, что янтарная комната ваша!» – «Вы в этом уверены?» – Подводник все-таки отвел честные глаза в сторону: «Еще бы! У меня соответствующие документы есть. Я их добыл через одного особиста. А если вы мне не верите, нет проблем, давайте проверим. Выдайте мне прямо сейчас три штуки наличными и через месяц я принесу вам материальное подтверждение». – «Но вы же говорите, что у вас есть какие-то документы». – «А разве плохо иметь еще и подтверждение?» – «А может, вам просто на пиво дат?» – улыбнулся Зотов и бывший подводник незамедлительно согласился. Получив от Зотова десять баксов, он был так доволен, что, уходя, обернулся и уже совершенно по-дружески сообщил, что у него, у бывшего офицера-подводника, отменное здоровье, он, например, может целых шесть минут не дышать под водой.

«Хотите, пойдем в бассейн?» – предложил он Зотову. Сами увидите».

«Я не люблю утопленников», – сухо ответил Зотов и бывший подводник, наконец, ушел.

В другой раз явился к Зотову квадратный человек ростом в полтора метра, зато с грубым обветренным лицом и с чудовищными бицепсами. Ну, не человек, а просто доисторический предок человека. Шварц перед ним вообще не смотрелся. Квадратный человек аккуратно высморкался в огромный носовой платок и сказал, что он есть полковник Рух. Так и сказал – он есть полковник. Дескать, не путайте с известной птицей. И еще сказал, что у него есть неплохие деньги, он к Зотову не просить пришел. Он пришел к Зотову, чтобы свои неплохие деньги вложить в зотовское надежное дело.

«Что вы называете неплохими деньгами?»

Полковник Рух по-военному точно ответил:

«Двадцать тысяч баксов».

«Откуда они у вас?»

«Получены не легким, но честным путем».

«Разумеется, честным, – улыбнулся Зотов. – Но каким именно?».

Полковник Рух ничего скрывать не стал. Он сразу поверил будущему партнеру.

Полгода назад, работая в одной из следственных групп МВД, полковник Рух вышел на след крупной банды. Дело оказалось настолько серьезным, что, прознав про неожиданные успехи следовательской группы, криминальная братва решила предупредить готовящийся удар, и лично разобраться с полковником.

Однажды осенью, возвращаясь домой, прямо во дворе своего дома полковник Рух наткнулся на неприятный сюрприз: из трех стоявших во дворе машин молча выскочили четыре крепких качка и, чуть горбясь, решительно пошли на полковника. Еще четверо таких же

крепких и горбатых перекрыли выход на улицу. Мгновенно оценив ситуацию, полковник не бросился бежать, а спокойно двинулся навстречу милиционеру, очень кстати вышедшему из подъезда дома. Конечно, даже на пару с опытным милиционером трудно отбиться от десятка бандитов (вообще-то их оказалось двенадцать), но на деле все оказалось гораздо хуже, чем думал полковник: именно милиционер (понятно, не настоящий) первым ударил его резиновой дубинкой по голове.

Стоял сумрачный осенний вечер, двор заносило желтой листвой.

Квадратный полковник Рух, стальной боец, опытный инструктор по боевым единоборствам, ни на секунду не впал в панику.

Он дрался с бандитами минут пятнадцать.

Он дрался молча, не позволяя себе ни единого слова, даже когда пропускал удар. Через пятнадцать минут некоторые бандиты бежали, успев вскочить в машины, остальных полковник повязал и свалил, как бесчувственные дрова, в собственном гараже.

Примерно полчаса он думал.

Потом принял решение и разыскал ближайший телефон-автомат.

Позвонил он, конечно, не в милицию, а вычисленному им главарю банды.

«У меня в гараже лежат твои люди, – сообщил он главарю. – Они не совсем в порядке. Я бы таких не держал, языки у них не оторваны. Сечешь? Тебе, наверное, не надо, чтобы они попали в руки правосудия, правда? Я – полковник Рух, ты обо мне уже слышал. Сам знаешь, я крутой. Но если хочешь, я еще круче, чем ты думаешь. Если к утру не получу двадцать тысяч баксов, наличкой, понятно, то включу двигатель машины и запру гараж. Этого тебе тоже не нужно, правда? Тем более, что одного-двух я все-таки сохраню. Для правосудия. Так что, лучше рассчитаться наличкой. Мне ведь в Москве теперь все равно не жить».

Бандит подумал и выложил требуемую сумму.

Ну, а полковник сменил место жительства и какое-то время отсиживался в ближнем Подмосковье. Только выдержав нужное (по его подсчетам) время, он пришел к Зотову.

А еще до полковника приходили к Зотову какие-то нехорошие люди, предлагавшие купить их собственных должников. Купи, дескать, и пользуйся. Должники, дескать от души напуганы, из них можно веревки вить. Даже договор у них был готов, но Зотова это не заинтересовало. Непрошенных продавцов выставили за дверь и усилили охрану.

А до этих людей приходил к Зотову ученый человек, который изобрел хренолет.

По словам изобретателя, это была принципиально новая машина.

Всем известно, популярно объяснил изобретатель Зотову, что лучше всего в русских огородах растет хрен. Он всегда растет в русских огородах в неисчислимых количествах и практически не требует никакого ухода. Никто не подсчитывал, сколько десятков, а то и сотен тонн хрена можно получить в России с одного даже дикующего гектара земли, но, видимо, много. Руки у изобретателя дрожали, а лицо было горестным и зеленым. Зотов сумрачно спросил: «Вы случайно не с перепоя?» Ученый человек решительно отверг такое мнение. «Я совсем не пью, – объяснил он. – Это во мне хлорофиллу много». И решительно заявил, что предлагаемый им воздухоплавательный аппарат будет летать именно на газах хрена, абсолютно безупречных экологически. «Вот будущее мирового транспорта! – заявил он. – Представьте огромные цеха, крупные, как залы самых известных казино. Теперь представьте, что в этих залах тысячи, миллионы тружеников упорно трут корни хрена! Это же миллионы и миллионы занятых рабочих рук! Буквально занятых. Это же невероятной силы удар по безработице! Это невероятный удар по преступности! Одним махом мы решим все социальные проблемы. Русский хрен поможет нам преодолеть любой кризис!»

Идея меня заинтересовала, рассказал Зотов Карпицкому, но денег изобретателю я не дал. Не было уверенности, что он не побежит в ближайшую забегаловку. Тогда ученый человек горестно спросил: «Наверное, у вас в роду, товарищ Зотов, были жида?» – «Почему вы так

думаете?» – «А потому, – еще горестнее объяснил изобретатель, – что именно жида русскому человеку помогать не станут». – «Я вообще-то из Сибири, из староверов». – «А как звали вашу бабушку?» – «Авдотья Григорьевна». – «А прабабушку?» – «Евдокия Осиповна». – «Ну вот, видите, Осиповна! – горестно обрадовался изобретатель. – Я так и думал!»

– Зотова преследовали сотни людей, – усмехнулся Карпицкий. – все они шли к нему с заманчивыми, как они сами считали, предложениями. И все, как один, хотели только денег. От всего этого у Зотова был усталый собачий взгляд. Конечно, человек с таким взглядом никогда не пойдет ни в ночной клуб, ни даже в театр. Когда однажды он все-таки решился на такое, прямо со сцены какой-то актер обратился к Зотову за финансовой помощью, извратив известную арию. Короче, деньги не сделали Зотова счастливым. В конце концов он не выдержал давления. Он не выдержал жизни в муравейнике, построенной по слишком жестким правилам. Конечно, он финансировал разные школы балета, и разные специальные школы одаренных детей, и еще какие-то школы. Конечно, он всегда поддерживал благотворительность, инвестировал разнообразные социальные проекты. Но все это не могло отвлечь его от грустных собачьих мыслей. И вот однажды он исчез. Сразу и навсегда исчез. Говорят, он ушел в монастырь, – улыбнулся Карпицкий. – В сущности, тоже форма сумасшествия. Честно говоря, мне Зотова жаль, даже очень жаль, хотя вряд ли стоит его жалеть. Такова философия бизнеса, и не может она пока быть другой. Понимаешь?...

Сергей кивнул.

Размышляя об услышанном, он забрал в МАП наличку – три миллиона.

«Ушел в монастырь... Точно, придурок... При таких-то деньгах...» Карпицкий в общем Сергея не убедил. «Может, я чего-то не понял... В жизни всякое может быть... Впрочем, хрен с ним, с этим Зотовым... Мне сейчас важно быстрее обратить наличку в товар...»

Проще всего было бы приобрести товар как раз у Карпицкого, но время от времени Сергей позволял себе побыть вольным охотником. Может, действительно не деньги двигают нашими поступками, может, действительно не они определяют наш выбор, усмехнулся он, выезжая на Крымский мост, но это еще не значит, что все мои деньги должны проходить именно через МАП.

Такая карма, усмехнулся Сергей.

В гостинице «Академическая» должен был остановиться бывший его партнер из Новосибирска – Женька Любин. У Любина в Москве были связи. Женька по старой дружбе мог подсказать, какую операцию можно провернуть побыстрее и понадежнее.

Виталька Тоцкий

Любина в гостинице не оказалось.

Скорее всего, он еще не прилетел из Новосибирска.

Зато в холле гостиницы Сергей сразу наткнулся на Витальку Тоцкого – из того же Новосибирска.

Зажав в ладони мощную ассирийскую бороду поразительно черного, почти смоляного цвета, левой Тоцкий любовно поглаживал лысую, праздничную, как яйцо Фаберже, голову. При этом он выворачивал в стороны носки, как заправский учитель танцев, шумно откашливался, энергично чихал. На ногах Тоцкого белели растоптанные кроссовки и мятые адидасовские шаровары. Такая же мягкая футболка с двуглавым российским орлом на груди делала наглого Тоцкого похожим на хозяина гостиницы. По крайней мере, администратор из-за своей стойки смотрел на Тоцкого с испугом.

– Ну вот! – обрадовался Виталька, изумленно моргая черными выпуклыми глазами. Он как бы укорил Сергея за что-то, может, за опоздание. – Ты разве уже позавтракал?

– Конечно, – удивился Сергей. – Какой сейчас завтрак? Самое время приступить к ужину.

– А ты не торопись, ты не торопись! – с шумным напором, с кипучей жизнерадостной наглостью заявил Тоцкий, изумленно поглядывая через плечо на пустой холл. – Лучше ничего не пропускать. Последовательность, вот что важно, дружок! Правильная последовательность, вот что важно! Сперва завтрак, за ним обед, потом можно приступить к ужину. Ты, например, уже пообедал, а я и к завтраку еще не приступал. Так что, идем в буфет. Так Богу угодно! Ужинать еще рано, но легкий завтрак... – Тоцкий хищно облизнулся. – Легкий завтрак всегда уместен... Это ужин можно отдать врагу, а завтрак никому! Правда? Что угодно, только не завтрак! – Изумленно моргнув, Тоцкий угрожающе прорычал: – Но мы и ужин никому не отдадим!

И деловито подтолкнул Сергея к лифту:

– Деньги есть?

– Смотря сколько.

– У тебя все в роду были придурки? – с тем же напором осведомился Виталька, нажимая на кнопку четвертого этажа.

– С чего ты такое взял?

– Ты неохотно идешь к буфету.

– Просто не хочу есть.

– Ты еще скажи, что в прогресс веришь!

– А почему нет?

– А потому, что прогресса нет, есть только прогрессивка! – голос Тоцкого заставлял вздрагивать всех, кто оказывался недалеко от лифта. – Если кто-то скажет тебе обратное, плюнь ему в глаза. Можешь при этом сослаться на меня, я подтверждаю сказанное. И вообще... Я сразу тебе скажу... Выдай мне пару штук! Под честное слово. Не пожалеешь.

– Пару штук?

– Ну да.

– Чего пару штук?

– Баксов, понятно.

– Это у тебя в роду все были придурки, – Сергей подозрительно покосился на Тоцкого. – «Пару штук»!

Тоцкий другой реакции и не ожидал.

– Смотри, какой цвет у икры! – шумно восхитился он, буквально вталкивая Сергея в просторный буфет. – Но ты не бери икру. Ты возьми ветчинки, колбаски копченой... Сыр, кажется, неплохой. Бери вон тот с дырками. А у икры цвет какой-то ненастоящий...

– Самый настоящий, – сварливо возразила буфетчица.

– Тогда давай и икру, – нагло заявил Тоцкий. – И два мясных салата, посвежее. Да сними прямо с витрины, время не терпит, – потер он короткие энергичные руки. – Нарежь ветчины, сыру. И мяса! Любого мяса! Много мяса! – зарычал он. – Вот мясо здесь хорошее, – пояснил он Сергею. – Они его хорошо отваривают, ты не отравишься. Мы сейчас много мяса съедем. А потом кофе выпьем.

– А платить? – сварливо осведомилась буфетчица.

– Отпади! – отмахнулся от нее Тоцкий. От возбуждения он чуть пузыри не пускал. – Я сегодня еще не завтракал. И вообще никогда не говори вслух, что я египтянин.

– Я этого не говорю, только кто платить будет.

– Я заплачу, – успокоил не верящую буфетчицу Сергей.

В общем оказалось в буфете уютно и просторно, хотя несколько сумеречно. Видимо, здесь сэкономили на электричестве. В этой уютной сумеречности шумно и энергично заработали челюсти Тоцкого. Изумленно заблестели его выпуклые, увлажнившиеся от удовольствия глаза. Все еще недоверчиво поглядывая на Тоцкого, буфетчица заявила:

– Вы нам должны...

Она не успела договорить.

Она в принципе не могла успеть.

Вращая зрачками, как разгневанный опереточный великан, плюясь салатом и ветчиной, шумно и энергично глотая слова, глотая слюну, Тоцкий взмахнул короткими руками:

– Я же дал тебе расписку?

– Нет, вы посмотрите! Он мне дал расписку! – возмутилась буфетчица, но, как ни странно, в ее презрительно сощуренных глазах Сергей не увидел настоящей угрозы или презрения. Буфетчица кривила пухлые губы, но чувствовалось, что какого-то особенного зла к Тоцкому она не питает. Более того, в ее нарочито возмущенном тоне несомненно проскальзывала нотка тщательно скрываемого восхищения. – Вот я вижу, вы умный человек, – обратилась она к Сергею. – Вот объясните мне, что такое число гугол?

– Это чрезвычайно большое число, – неохотно объяснил Сергей, втайне дивясь математическим познаниям буфетчицы. – Это единица с сотней нулей.

И спросил в свою очередь:

– Откуда вы знаете про такое число?

– А он мне расписку написал на число гугол. У него карманы пусты, вот он и написал расписку на число гугол, – презрительно бросила буфетчица, но в глазах ее плясали плохо скрываемые чертики восхищения. Она незаметно перешла на ты. – Вот как с таким можно бороться? Я же ему как умному человеку говорю: иди к евреям! Возьми залог! Под залог можно получить кредит, а там все ясно.

– Мне время мое дороже!

– Вот видите? – совсем уже презрительно сказала буфетчица. – Он мне должен целый гугол денег, а как к делу... – Она уперла руки в мощные бока и зарычала, как сам Тоцкий: – Сколько раз говорить? Пойди к евреям, возьми залог! – И повернулась к Сергею. – У нас на втором этаже расположены офисы, там много богатых евреев. У них можно взять, что угодно, даже залог под кредит. Я вашему другу давно говорю – иди вниз к евреям. Под хороший процент они дадут что угодно!

– Я своего жду! – шумно выдохнул Тоцкий и энергично спросил: – Только дураки в такое время пьют водку, правда?

Сергей согласно кивнул, но Тоцкий уже махнул буфетчице:

– Холодной водки и минералки! Исключительно холодной водки и такой же минералки! – И пока буфетчица неохотно возилась в холодильнике, низко наклонился к Сергею: – У меня верное дело! Я своего жду!

– Ты давно здесь?

– Второй месяц, – отмахнулся Тоцкий и опять сильно понизил голос: – Знаешь Крымский вал? Вот прямо под ним находятся подземные бункеры, они входят в систему метро, но имеют отдельный въезд для надземного транспорта. В этих бункерах стоят сейчас крытые грузовики. И каждый доверху забит мешками. В каждом мешке миллионы и миллионы советских купюр. Даже не миллионы, а миллиарды. Понимаешь? Миллиарды! В России эти купюры выведены из обращения, но казахи, армяне, узбеки готовы принимать их, потому что у них нет других денег, они пользуются старыми советскими. Понимаешь? Мы собираемся отправлять грузовики старых купюр нашим друзьям казахам, армянам и узбекам, а сами будем получать баксы. Много баксов! Очень много баксов! Ты никогда не видел сразу такого количества! Я специально тебе рассказываю, чтобы ты все это прочувствовал!

Он заговорщически подмигнул Сергею:

– Я даже доволен, что мне не возвращают мои деньги прямо сейчас, потому что каждый день приносит мне бешеные проценты. Когда поднимемся в номер, я покажу тебе расчеты. Первое, что я делаю утром, проснувшись, сразу записываю прямо на обоях сумму процентов, на которую за прошедшие сутки увеличились мои капиталы. Каждый лишний день, проведенный в Москве, приносит мне все больше и больше баксов. Я никогда в жизни так хорошо и верно не зарабатывал, как сейчас. Понимаешь? Когда все это кончится, я полечу в Новосибирск на собственном самолете и сожру все, что стюардесса мне подаст.

– Сперва рассчитайся с нами, – презрительно фыркнула буфетчица, выставляя на стол запотевший графинчик. – Ты же знаешь, что тебя не выпустят из гостиницы, пока не заплатишь.

– А я куплю эту гостиницу, – нагло заявил Тоцкий и, помаргивая, уставился черными глазами на буфетчицу. – Вот тебя, – нагло сказал он буфетчице, – я сам лично перепродам евреям. Или отдам в залог.

Буфетчица обиженно удалилась.

– Ты действительно здесь второй месяц? – удивился Сергей.

– Через три дня юбилей, – подтвердил Тоцкий, удовлетворенно подбирая хлебом остатки салата. – Но дело не в этом. Главное, грузовики. Скоро старые купюры отправятся по новым адресам, и каждый получит свое. Я, например, – ухмыльнулся он, – получу много.

Сергей улыбнулся.

Он знал напористость Тоцкого.

Когда Тоцкий вкладывал деньги в какое-то дело, иногда, на первый взгляд, даже безнадежное, деньги всегда возвращались к нему с процентами. Часто с хорошими процентами, потому что Тоцкий был везун. И может, потому он был везун, что ему в голову не приходила мысль о том, что положения бывают и безнадёжные. Он всегда шел до конца, как таран, не обращая внимания ни на какие привходящие обстоятельства. Если перед Тоцким разверзалась пропасть, он без раздумий заносил над нею ногу. Смотри, предупреждали его друзья, ты сильно рискуешь. Однажды под ногами у тебя не окажется опоры и ты пролетишь, сильно пролетишь. Однако под короткими мощными ногами Тоцкого всегда почему-то оказывалась опора. Вот, правда, сейчас, он, похоже, все-таки пролетел, подумал Сергей... Похоже, выбрал лимит удачи... Особенно почему-то смутили Сергея в рассказе Тоцкого крытые грузовики со старыми купюрами, спрятанные в подземных бункерах Крымского вала. Обычно о крытых грузовиках с деньгами начинают говорить, лишь по-настоящему впав в отчаяние.

Но что могло привести в отчаяние везуна Тоцкого?

– Ну да, ну не плачу за гостиницу, – шумно признал Тоцкий, брызгая слюной и размахивая руками. – Но ведь любого неплательщика давно выбросили бы на улицу, только не меня. Я столько должен, что меня нет смысла выгонять. К тому же, они знают, что рано или поздно я все это куплю и всех, кто пытался наступить мне на пятки, выгону прочь. Что мне эта гостиница! Я многим должен. Ко мне, например, прилетала братва из Тюмени, им я тоже должен целый гугол денег, – похвастался Тоцкий. – Они пришли ко мне в номер и расселись по углам, а бугор их, по кликухе Ванька, сел так, чтобы я увидел рукоятку пистолета, заткнутого за пояс. Ну, помолчал, как надо, потом сказал: «Тебе, Тоцкий, наверное, хана». Я спрашиваю: «Почему наверное?» А Ванька отвечает: «Вот приехали тебя трахать, Тоцкий. Видишь, нас семь человек? Деньги, которые мы вложили в твое дело, были из общака. Если денег у тебя нет, повезем в лес за Лобню, там оттрахаем и замочим». – Тоцкий восхищенно поморгал выпуклыми глазами. – В это время зазвонил телефон. Бугор кивнул мне: возьми, дескать, трубку. Я взял и услышал голос большого чечена Исы. Это очень большой чечен, – восхищенно пояснил Тоцкий Сергею. – Он вложил в мое дело очень большие деньги. Он вложил в мое дело даже больше, чем тюменская братва. Большой чечен Иса всегда звонит мне в гостиницу как на работу и всегда говорит, что до сих пор не зарезал меня только потому, что очень хочет получить свои деньги. Если у тебя нет больших денег, обычно говорит Иса, тогда дай мне хотя бы красный автомобиль и семь тысяч баксов. Тогда он, большой чечен Иса, уедет из Москвы. Он знает одно горное селение в Чечне, там хорошо и спокойно. Там нет разгула преступности. Он так и говорит, что там нет разгула преступности. Большому чечену Исе я вообще никогда не говорил плохого, – Тоцкий снова изумленно моргнул круглыми глазами, слегка увлажнившимися от обильной еды и вкусной водки. – Я всегда старался, да и теперь стараюсь найти для большого чечена Исы хорошие слова. Но тут по всем углам моего номера сидела мрачная тюменская братва, приехавшая меня трахать и мочить, поэтому я прямо сказал: «Здравствуй, Иса, друг. Я сейчас занят. У меня в номере сидит братва из солнечной Тюмени. Сейчас они узнают, что у меня нет денег и повезут в лес за Лобню. Там они меня будут трахать. Наверное, до смерти, ведь их, Иса, друг, семь человек. Если хочешь, тоже приезжай. Будешь восьмым». Услышав такое, большой чечен Иса возмущенно что-то запричитал, а потом так сказал: «У меня левая рука совсем отнимается, когда я думаю о тебе, Виталик, друг. Когда ты вернешь мне деньги, я куплю красный автомобиль и мы поедем ко мне в Чечню. Я каждый день буду колоть для тебя молодого барашка, мы станем с тобой как братья, Виталик, друг. Тебя нельзя убивать». И попросил: «Передай трубку старшему человеку». Я, понятно, передал трубку бугру Ваньке. Он что-то там повякал, а потом бросил трубку. «Ну, Виталик, вставай», – сказал он мрачно. Он так это сказал, что я понял, что меня, наверное, даже не повезут за Лобню, а замочат прямо здесь, или в машине, чтобы выбросить труп в Москву-реку. А, может, все-таки повезут, вдруг большой чечен Иса согласился быть восьмым. Только поэтому я и спросил: «Зачем вставать? Куда мы идем?» Бугор Ванька мрачно выругался и ответил: «В буфет, сука! Иса боится, что ты умрешь с голоду». Потом бугор еще раз выругался и мрачно добавил: «Мы сегодня улетим, нам накладно сидеть с тобой рядом. Но при тебе останется наш человек. Поставь ему раскладушку. Он будет присматривать, чтобы тебя нечаянно не замочили. Люди нынче пошли нервные».

Тоцкий изумленно моргнул:

– «Раскладушку!» Придет же такое в голову! При нашем-то быте! Ну, еще матрасик на пол, ладно. А то раскладушка!

И похвастался:

– На сегодняшний день в моем одноместном номере лежат на полу четыре матрасика, и на них спят четверо серьезных мужчин. Они лежат вокруг моей кровати и громко дышат. От них пахнет мужским потом и носками. Я заставляю их принимать душ и пользоваться одеколоном, но это не помогает. Один человек от тюменской братвы, другой от большого чечена Исы, третий – сам не знаю откуда, он этого не говорит, ну, а четвертый – изобретатель, он

вложил в мое дело казенные деньги и теперь не может вернуться без них на работу. Да его там, наверное, и с деньгами не ждут. Он в общем тихий человек. Он бы даже улетел домой, он на это согласен, но у него нет денег на обратную дорогу. У него вообще нет никаких денег, а приехал он сюда из Омска.

– Пять человек в одноместном номере? – поразился Сергей. – Как вы там размещаетесь?

– Ну, время от времени бывает просторнее, – радостно объяснил Тоцкий. – Время от времени в коридоре на человека большого чечена Исы натыкаются омовцы. Они сразу говорят: «А, это ты! Это сейчас из твоего номера вышла русская девушка?» И омовцы, и человек Исы отлично знают, что у него, у человека большого чечена, нет своего номера. Но человек большого чечена всегда упорствует. «Нет, – упорствует он, – русская девушка вышла не из моего номера!» Тогда омовцы переглядываются и спрашивают: «Сколько ты платишь русским девушкам?» Человек большого чечена знает, к чему клонят омовцы и гордо отвечает: «Я не плачу русским девушкам». Тогда возмущенные омовцы говорят: «Вот видите? Он не платит русским девушкам!» После этих слов гордого человека большого чечена Исы уводят на допрос, но через пару часов он снова появляется в гостинце.

– А почему ты не расплатишься со своими кредиторами?

– Да потому, что мои кредиторы не могут расплатиться со мной.

– А с тобой расплатятся?

Тоцкий изумленно моргнул:

– Человеку большого чечена Исы я на такой вопрос всегда отвечаю утвердительно. Ему это по душе. Так же утвердительно я отвечаю другим, даже изобретателю из Омска. Я честно говорю: братва, сегодня у меня нет денег даже на ужин, но в бункерах под Крымским валом стоят крытые грузовики и скоро денег у нас будет столько, сколько не укладывается даже в вашем больном воображении! «А ты прикажи доставить сюда деньги», – обыкновенно говорит хитрый человек большого чечена Исы. Тогда я объясняю: нужно немного подождать. У нас, объясняю я, идет торг. У нас идет большой торг с нашими младшими братьями из стран СНГ. Скоро у нас образуется много денег. Значит, говорю я, очень много денег образуется у большого чечена Исы. Он купит красный автомобиль и большой бумажник. Очень много денег образуется в общаке тюменской братвы, они получают усиленное питание, когда попадут за решетку. Очень много денег образуется у омского изобретателя, тогда он точно изобретет что-нибудь необыкновенное или сопьется. У всех образуется очень много денег, – блестя выпуклыми глазами, нагло и энергично заявил Тоцкий. – Я всем говорю правду. Время от времени я даже спускаюсь к администратору гостиницы и внимательно просматриваю списки гостей. Если я нахожу человека из новосибирского Академгородка, то сразу иду к нему и занимаю немного денег. Действительно немного. Перед деньгами, которые я ожидаю, любая сумма выглядит как немного. На занятые деньги я покупаю что-нибудь для людей, живущих в моем номере, и еще немного даю горничной, чтобы она не забывала менять простыни. Может, горничная носит нам свои личные простыни, я не знаю, но она их меняет. Не так часто, как хотелось бы, но меняет. Каждый день я говорю человеку большого чечена Исы, и человеку тюменской братвы и всем остальным постояльцам: пусть сегодня у нас нет денег на приличный ужин, но крытые грузовики со старыми купюрами уже стоят в подземных бункерах под Крымским валом и большие деньги могут появиться у нас в любой момент. Поэтому, говорю я человеку большого чечена Исы и всем другим своим постояльцам, весело выпейте по стакану водки, а потом садитесь и нашивайте на свои трусы объемистые карманы. Большие крепкие объемистые накладные карманы. Вы же знаете, что в аэропорту нынче шмонают всех подряд. Найдут у вас деньги и отберут. Если вы открыто повезете столько денег, сколько я вам дам, у вас обязательно отберут их при шмоне.

Тоцкий изумленно моргнул:

– У моих постояльцев трусы теперь в тройной системе накладных карманов. По надежности система эта давно превзошла систему безопасности подводной лодки, даже атомной. Тройной дубль. Неудобно спать в трусах с таким большим количеством накладных карманов, но мои постояльцы крепко верят в будущее. А человеку большого чечена Исы это даже нравится. Он романтик. Он настоящий горный романтик. Действительно, человек гор. Он держит в карманах трусов трубку, табак и даже огниво с кресалом.

– Ты что несешь? – спросил Сергей. – Какое огниво?

– Я каждый день говорю человеку Исы и другим людям: садитесь, и немедленно нашивайте на трусы еще по одному накладному карману, – не мог остановиться Тоцкий. – Только нашивайте по-настоящему большие карманы. – Его глаза безумно блестели. – Возможно, они понадобятся уже завтра, когда крытые грузовики со старыми купюрами двинутся по назначенным адресам. Каждый вечер по моему совету человек большого чечена Исы и все другие выпивают перед сном по полному стакану водки. Особенно омский изобретатель. У него руки трясутся и глаза мутные. И карманов у него больше всех. Может, я ему и не должен таких больших денег, но я его не останавливаю. Пусть нашивает. Я никого не останавливаю. Иногда я думаю, что со временем это может войти в традицию, – совсем уже нагло моргнул Тоцкий черными влажными глазами. – Если у русских людей и их младших братьев приживется добрая традиция каждый вечер выпивать перед сном стакан водки, а потом нашивать к трусам еще один накладной карман, это точно начнет отвлекать их от мрачных мыслей.

– Ты что несешь? Ты что такое несешь?

Тоцкий умолк, но странные огоньки в его глазах не погасли.

– Мне все время звонят по телефону, – нагло заявил он. – Мне звонят очень влиятельные люди. Они ждут от меня денег. Они в свое время очень удачно вложили деньги в мои дела. Мне звонит, например, человек, владеющий секретом старения картин. Если тебя написать маслом, говорит он мне, а портрет обработать по моему методу, то такой портрет можно продать, как произведение пятнадцатого века, не меньше. Давай мы это сделаем, предлагает он, тогда ты сможешь мне вернуть долг. В целом все эти люди думают обо мне с приязнью, – еще более нагло заявил Тоцкий, – но, конечно, бывает, что они сердятся. Например, вчера звонил один такой сердитый человек. Он спросил: способен ли я срочно вернуть ему долг? Поскольку этот человек мне не представился, а я в тот момент переживал острый нравственный кризис, то я ответил просто. Я ответил ему как настоящий брат во Христе. Я так ему ответил: прости, дескать, все долги ближним своим, как Он прощал прегрешения наши. Конечно, я произнес это с некоторым надрывом, но искренне. Трубку немедленно повесили, а через полчаса ко мне явился сам этот тип. Знаешь, есть такие типы – в одном кармане у них лежит заряженный пистолет, а в другом заявление о добровольной сдаче оружия. Понятно, на заявлении не поставлена дата. Если такие люди влипают в неприятную историю с милицией, то в ход идет заявление, а если, на их взгляд, ситуация складывается удачно, в ход идет пистолет. «Кто только что отвечал по телефону?» – спросил тип с пистолетом и с заявлением, и я понял, что он пришел не прощать долги и прегрешения наши, а совсем наоборот. Увидев такого настырного типа, человек большого чечена Исы и человек неизвестной группировки немедленно вытащили оружие, а тюменский браток показал зажатую в руке гранату. Пришедшего это нисколько не смутило, но зато меня обрадовало. Все-таки я сумел сколотить настоящий дружный коллектив, подумал я. Все-таки я сколотил коллектив способный активно защититься от любой опасности. Мне стало даже интересно, о чем это члены моего дружного коллектива начнут сейчас будут разговаривать с таким настырным типом, ведь он тоже имел при себе пистолет. Более того, он даже на вид был крут. Как бегемот из книги Иова. – Тоцкий вопросительно посмотрел на Сергея: – Помнишь, как выглядел бегемот в книге Иова?

Сергей покачал головой.

Он, наверное, слетел с нарезки, подумал он, глядя на Тоцкого.

– *«Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол, – шумно, нагло и торжественно процитировал Тоцкий. – Вот его сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его. Поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бедрах его переплетены. Ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья; это верх путей Божьих; только Сотворивший его может приблизить к нему меч Свой».* – Тоцкий запустил толстые пальцы в черную бороду и торжествуя заявил: – Даже человек большого чечена глядел на новопривышшего с неприязнью, но первым сломался изобретатель из Омска. Он трусливо указал пальцем на меня: «Это он сейчас отвечал по телефону». Неприятный тип с пистолетом, которого я сравнил с бегемотом, мрачно опустил глаза и задумался. Я понял, что тянуть время не стоит, что надо признаваться. «Ну да, – честно признался я. – Это я сейчас отвечал по телефону. Но ты меня извини. Я в последнее время много работаю. Мне надо очень много работать, чтобы вернуть вам деньги. У меня же обязательства перед вами. Вот я устал и немножко выпил. А тут ты звонишь». Неприятный тип с пистолетом мрачно обдумывал создавшуюся ситуацию и никто не смел приблизить к нему меч Свой, а Сотворивший его вообще о нем забыл. Потом неприятный тип поднял голову и спросил: «Сколько выпил, сука?» Я решил ничего не скрывать: «Две бутылки». – «Вина?» – «Водки». – «А-а-а, водки! – облегченно протянул бегемот. – Так бы сразу и сказал». Впрочем, уходя, он все равно пообещал прислать в гостиницу специального человека, чтобы никто по дурости или по случайности не замочил меня.

– Виталик, – сказал Сергей. Ему стало жаль Тоцкого. – Мне кажется, в Москве тебе уже ничего не светит, разумеется, кроме неприятностей. Похоже, пруха у тебя кончилась. Такое время. Не думаю, что крытые грузовики выедут из подземных бункеров. До Крымского вала рукой подать, но сдаётся мне, что до этих грузовиков тебе как до Луны. Возвращайся в Новосибирск, пока тебя не замочили. Тихо смывайся, бросай свой дружный, крепко сколоченный коллектив, возвращайся в родной Новосибирск и начинай новое дело. Я думаю, что в твоём положении легче заново заработать, чем ждать возвращения долгов.

Глаза Тоцкого блеснули.

Он явно не слышал Сергея.

Он явно жил сейчас своими мыслями и в своём мире.

Наверное, в этот мир нельзя было попасть посторонним людям, его Виталик ревниво охранял. Он просто повел черными блеснувшими глазами в сторону, и как-то странно усмехнувшись, будто заранее знал ответ на свою просьбу, нагло и энергично сказал:

– Ты меня знаешь меня! Пара штук и я снова в седле! Из пары штук в течение суток я сделаю все шесть!

– Каким образом?

– А ты читай коммерческую рекламу! Я каждый день внимательно ее читаю, у меня время есть. Если ты дашь мне пару штуку баксов, я сразу пушу их в дело. Сам знаешь, коллектив у меня дружный, но я сделаю это втайне от коллектива.

– В какое дело ты хочешь вложить эти баксы?

– В чай.

– Сделаешь закупки через МАП? – разочарованно удивился Сергей.

– Не смейся меня! – нагло ухмыльнулся Тоцкий. – Знаю я твой МАП. И меня там знают, сам можешь спросить. – Он, как птица, наклонил: – Есть «Русский чай». Классная фирма. Пока малоизвестная, но крепкая. Помяни мое слово, через полгода они подомнут под себя всех конкурентов. Они уже сейчас почти всех подмяли. И дело у них поставлено так, что не подкопаешься. И товар у них дешевле, чем в других местах. Сам удивляюсь, как дешево можно у них покупать. Уж в любом случае дешевле, чем в твоём МАП. И расположены удобно.

– Где это? – на всякий случай поинтересовался Сергей.

– Да на Беговой. Рядом с ипподромом. Берут наличкой, хотя предпочитают безнал. Почему-то безнал они берут охотнее.

Сергей промолчал.

Странная мысль пришла ему в голову.

Он ничем сейчас не мог помочь Тоцкому, разве что купить ему билет до Новосибирска, но...

А что? – решил он. Не столь уж дурная мысль.

В конце концов, решил он, коммерческая информация принадлежит всем, а не только Витальке Тоцкому. В конце концов, даже умница Карпицкий утверждает, что бизнес это умение выжить. Почему бы мне не копнуть этот «Русский чай»? Если там действительно предпочитают безнал, я сегодня же попрошу Карпицкого перечислить три миллиона на счет фирмы.

Что-то подсказывало Сергею, что это удачный ход.

Видимо, и в большой непрухе рука Тоцкого оставалась легкой.

Через пару часов, зарядив Тоцкого рублями на дорогу в Новосибирск, Сергей подъехал к офису «Русского чая».

Занимал офис весь первый этаж старого, дореволюционной постройки дома, украшенного ложноклассическими колоннами.

Чтобы не мешать постоянным жильцам, вход в офис был пробит в стороне от главного подъезда. Пробили его недавно: затейливые металлические перила крылечка еще не успели покрасить. На тяжелой металлической двери красовалась скромная медная дощечка: «**Русский чай**». Она не сразу бросалась в глаза, зато сразу бросались в глаза разгуливающие перед крылечком крепкие ребята в камуфляже. Проверив документы, они направили Сергея в бухгалтерию. В общем, вполне нормальное местечко с нормальной охраной.

Главбух «Русского чая», представительный красавец, чуть подпорченный мелкими вздорными усиками, сразу выдал Сергею счет и договор.

С такими смешными ценами Сергей действительно давно не встречался. Впав в отчаяние, Виталик Тоцкий выложил чистую правду: фирма «Русский чай» продавала свой товар дешевле всех других фирм. Даже ощутительно дешевле. А Сергею, поскольку он собирался брать сразу не менее двух тонн, была еще обещана и солидная скидка.

– Переводите деньги, – улыбнулся главбух. – Если они появятся на наших счетах завтра, то завтра же заберете товар.

И похвалил Сергея:

– Вы сделали правильный выбор. Мы продаем дешево, зато продаем много. Если успеете приехать завтра до пяти вечера, то вполне успеете вывезти товар со склада. Транспорт есть?

– Ну, это не проблема.

– Учтите, – заметил главбух. – С транспортом мы поможем.

– Хорошо, – сказал Сергей. – Я приеду завтра.

Это его устраивало.

«Русский чай»

На другой день Сергей приехал на Беговую в полчетвертого.

Крепкие ребята в камуфляже проверили его документы и снова направили в бухгалтерию.

На этот раз Сергей познакомился с главбухом поближе.

Юрий Ильич не поленился еще раз поздравить его с правильным выбором. К нам в «Русский чай» приходит, может, не каждый, так объяснил Юрий Ильич свое радушие, зато тот, кто приходит, остается с нами надолго.

Конечно, Юрий Ильич, преувеличивал, но говорил от души.

Сергей осмотрелся.

Удобный письменный стол, нисколько не перегруженный бумагами.

Три компьютера, включенные в общую сеть. Современная кабинетная стенка серо-стального цвета. В такой стенке можно держать документы, но в такой стенке найдется место и для миниатюрного бара. Металлические жалюзи на окнах, объемистый, но не бросающийся в глаза южнокорейский холодильник, тяжелые немецкие кожаные кресла, наконец, холодно поблескивающий стальной сейф, намертво вмонтированный в кирпичную стену.

Чуть в стороне – журнальный столик и металлический табурет.

Нормальный кабинет, сразу задуманный как место, удобное для работы.

– Вы принесли наличку? – доброжелательно переспросил Юрий Ильич. – Ну, конечно. Ну, разумеется. Какие могут быть проблемы? Мы принимаем и наличку. Если вы с машиной, можете сразу забрать товар.

– Я бы хотел забрать товар и по безналу.

Юрий Ильич понимающе кивнул и пересел к компьютеру.

Он действительно был представительный мужчина, вот если бы только не эти вздорные усики.

– Ну, какие проблемы? – наконец поднял он голову. – Конечно, заберете товар, как только ваши деньги поступят на счет.

– То есть как, поступят?

Юрий Ильич доброжелательно улыбнулся:

– На наш счет они еще не поступили.

– То есть как? – совсем растерялся Сергей.

– А когда вы их перечислили?

– Вчера.

Странное предчувствие кольнуло сердце Сергея.

Вот они начинают сбываться – плохие приметы. Он почему-то вспомнил отечественные электронные часы и араба в домодедовском аэропорту.

Правда, при чем тут араб?

И услышал свой голос как бы со стороны:

– Деньги я перевел еще вчера. Проплаты между московскими банками занимают часа три-четыре, не больше. Не могли деньги не поступить на счет. Этого никак не может быть.

– Тем не менее, они к нам еще не поступили, – доброжелательно и терпеливо улыбнулся Юрий Ильич. – Уверен, что это какой-то случайный досадный сбой.

– Но у меня заказан вагон.

– На какое число?

– Через три дня поезд уходит в Томск.

– Ну, через три дня! Это же океан времени! – понимающе улыбнулся Юрий Ильич. – Кстати, где вы остановились?

– У брата.

– Спокойно возвращайтесь к брату и отдыхайте. – (*«Спокойно садитесь и нашивайте на трусы еще по одному накладному карману...»*) – Раз деньги перечислены, они могут появиться на нашем счету в любое время, может, уже сегодня. Заберете завтра товар и отправите его в Сибирь. Томск это ведь Сибирь? Я не ошибся? Ну вот, жалеть не о чем, вы действительно сделали правильный выбор – наши товары и дешевле и качественнее аналогичных. К тому же, наш чай действительно выращивают на его исторической родине.

– Ладно, – сказал Сергей, совсем сбитый с толку. – До завтра я подожду.

И добавил, вставая:

– Я позвоню с утра.

– Конечно, звоните, – доброжелательно улыбнулся Юрий Ильич. (*«И спокойно нашивайте на трусы еще по одному накладному карману...»*) – Можете и сами заглянуть. Чашкой кофе всегда угощу. Но удобнее позвонить, конечно. Это вы правильно решили. И вам удобнее и нам. Считайте, я всегда на месте. А если меня вдруг не окажется на месте, любой сотрудник бухгалтерии выдаст вам необходимую информацию. На телефоне у нас всегда кто-нибудь дежурит.

Растерянный Сергей спустился во двор.

Совершенно случайно обернувшись, он перехватил снисходительный взгляд одного из охранников. Они, наверное, не одного посетителя провожали таким взглядом, подумал Сергей, и эта простая мысль почему-то ему страшно не понравилась.

Не понравилось ему и то, что Левкина «семерка» завелась не сразу.

Он больше не оглядывался на охранников, но всей спиной чувствовал их снисходительные взгляды. Они, наверное, обсуждали его, точнее, Левкину машину. Разозлившись, Сергей чуть не чиркнул бортом по каменной кладке стены. «Доктор, меня все раздражает», – вспомнил он анекдот. – «А вы пробовали читать стихи?» – «Конечно, пробовал. Стихи меня раздражают». – «А пробовали заняться спортом?» – «Спорт меня особенно раздражает». – «А пробовали заняться путешествиями?» – «Да путешествия меня вообще жутко как раздражают. Меня вообще все раздражает. Нет такой вещи, которая меня бы не раздражала. Вот вы, доктор, молодая красивая женщина, а меня и это раздражает. Ну, абсолютно все раздражает меня!» – «А секс? – совсем отчаялась доктор. – Как у вас насчет секса?» – «Секс? – растерялся пациент. – Нет, не знаю. Секс я как-то упустил из виду». – «Ну, вот видите! – обрадовалась доктор. – Я готова рискнуть. Попробуем новый метод. Раздевайтесь... Вот так... Вот так... У вас сильные руки... Не нервничайте, вот так... Вам нравится?». – «Доктор, ну в самом деле! Чего вы все туда-сюда, туда-сюда? Неужели нельзя как-то в одном направлении?»

Сергей вовремя вспомнил анекдот, но это его не рассмешило.

Вдруг предстала перед ним наглая и мрачная тень Виталика Тоцкого.

Тень Тоцкого была в майке с российским гербом, как обычно, в черных адидасовских шароварах, в разбитых кроссовках, а за нею угадывались другие мрачные тени. *«Спокойно садитесь и нашивайте на трусы еще по одному накладному карману...»* Сергей явственно ощутил крепкий запах мужского пота, носков и дешевого одеколона. Выруливая по Беговой, негромко сказал себе: «Ладно!» Ну, не пришли деньги сегодня, придут завтра... какая-то накладка... Бывает... Завтра все встанет на свои места.

И все равно нехорошее предчувствие давило Сергея.

И, как оказалось, не напрасно: на другой день он загрузил в вагон только тот чай, полученный за наличку. Безналичные, три миллиона кровных, вовсе не малые для Сергея деньги, все еще бродили где-то по банкам Москвы, не торопясь осесть на счетах фирмы с красивым названием «Русский чай».

Ну, вот где могли бродить его кровные деньги?

«Туда-сюда...» – невесело усмехнулся Сергей. Похоже, меня тоже все раздражает.

Подумав, отправился к брату.

Как ни странно, и тут пошла непруха: утром Левка уехал во Владимир.

Правда, на столе нашлась записка: «Жратва в холодильнике. Завтра позвоню».

Сергей хмуро сварил пельмени и достал из холодильника бутылку водки. Он уже открыл ее, когда перед ним опять предстала наглая и мрачная тень Виталика Тоцкого. *Слышал про «Русский чай»? Вот подожди, через полгода они подомнут под себя всех конкурентов.* Видение оказалось столь отчетливым, что Сергей поставил водку обратно в холодильник.

К черту!

Не стоит пить и ста граммов.

Завтра я должен быть абсолютно свежим.

Он и проснулся свежим.

Светило Солнце, небо над Москвой очистилось от облаков.

При ясном свете вчерашние страхи показались Сергею полной чепухой. Конечно, деньги уже пришли в «Русский чай», просто вчера Юрий Ильич не нашел нужную платежку. Сейчас допью кофе и позвоню Юрию Ильичу, и все встанет на свои места.

Сергей позвонил.

Незнакомый женский голос ответил, что указанная сумма на счет фирмы «Русский чай» пока не поступала.

Сергей позвонил в МАП.

– Перевели ли мы деньги? – удивился Карпицкий. – Разумеется. Как ты и просил. Твои деньги обязательно должны быть в «Русском чае». Мы перевели их еще позавчера. Ты же знаешь, что проплаты внутри Москвы занимают часа три-четыре. Они там чего-то недоглядели. Позвони им еще раз.

Сергей позвонил.

Юрий Ильич оказался прав: на телефоне бухгалтерии «Русского чая» всегда кто-то дежурил. Отвечала женщина, отвечал незнакомый молодой голос. Однажды откликнулся сам Юрий Ильич. Нет, на счету «Русского чая» указанной суммы пока нет. Ну, конечно, нет. Он, Юрий Ильич, сам удивлен. Попробуйте разобраться с отправителем. Ах, Вы уже разобрались? Ну, тогда придется набраться терпения. Финансы такая область, что непременно требует терпения. В этой области случается всякое. Ах, у вас поезд через сутки? Ну, сутки это океан времени! Сейчас он скажет: *выпейте стакан водки и спокойно нашивайте на трусы еще по одному накладному карману*, подумал Сергей, но Юрий Ильич закончил вполне доброжелательно: «Я попрошу проверить платежки, позвоните нам через час».

Сергей позвонил.

Он позвонил через час.

И через полтора позвонил.

И позвонил через два, и через три часа.

Теперь он уже узнавал отвечающие ему голоса.

Женский, например, казался ему нетерпеливым. Видимо, он уже утомил неизвестную женщину. Она даже не делала попытки его узнать.

«Это „Русский чай“? – спрашивал Сергей. – Куда я попал?»

«А вы куда целились?»

Зато помощник главбуха Юрия Ильича оказался более терпимым.

Зато и более лаконичным.

«Русский чай?»

«Да».

«Это говорит такой-то. Сергей Третьяков из Томска».

«Да».

«Меня интересует поступление денег на ваш счет».

«Да».

«Пожалуйста, проверьте платежки. Я тороплюсь. У меня вагон для товара заказан».

«Да, да».

«Вы проверили?»

«Да».

«Деньги на счету?»

«Нет».

«Вы уверены?»

«Да».

«Вы действительно уверены?»

«Вам поклясться?»

Наиболее доброжелательным и терпимым оставался сам главбух Юрий Ильич. Он узнавал Сергея по первому слову. Он не забывал интересоваться его делами, он много советовал хорошего. Например, советовал: «Отправляйте вагон с тем товаром, который получили. Если не можете больше ждать, непременно отправляйте. Потом мы поможем вам разобраться с товаром, который вы получите. Как только придут ваши деньги, мы с удовольствием вам поможем».

Несколько раз Сергей сам ездил на Беговую.

– Юрий Ильич, я не могу больше ждать.

– А мы можем?

Сергей отчаялся.

Он терял время, он терял деньги.

Часто бывая в «Русском чае», он познакомился и с другими такими же, как он, озабоченными бедолагами. Перечисленные ими в «Русский чай» деньги тоже где-то бродили по банкам столицы. И, следует признать, деньги куда более крупные, чем у Сергея. И бродили не трое суток, а уже неделю, а то и две. О странной беде, обрушившейся на них, эти озабоченные люди говорили крайне скупно и неохотно. Они здорово были сбиты с толку. Они ничем не напоминая разговорчивого Виталика Тоцкого, энергично бедствующего в гостинице «Академическая».

Что-то не складывалось.

Сергей начал подозревать, что ничто уже и не сложится.

Наверное, поэтому он позвонил уже не Юрию Ильичу, а директору «Русского чая» господину Фесуненко. В конце концов, решил он, фирмой управляет директор, а не главбух. Правда, неясно было, чем ему может помочь господин Фесуненко, если денег Сергея на счету фирмы нет, но, как ни странно, директор «Русского чая» от предложенной Сергеем встречи не отказался.

В тридцать Сергей вошел в указанный ему кабинет.

Директор «Русского чая» оказался человеком молодым, несколько не старше Сергея, но большим аккуратистом. Сергею приходилось встречать таких людей. Таким был его собственный отец, например. Работая в угольной шахте, отец принципиально не признавал темных рубашек, среди приятелей он выглядел настоящей белой вороной. Но господин Фесуненко, несомненно, превзошел всех, кого знал Сергей. На нем были замечательно аккуратный костюм-тройка, белоснежная рубашка, темный галстук. Круглая, коротко стриженная голова деловито поворачивалась то вправо, то влево, будто он проверял гибкость шеи. Чисто выбритый, прямой, действительно аккуратный, подтянутый, он и держался прямо, по-офицерски. Может, из бывших военных? – невольно отметил Сергей, с непонятной неприязнью прислушиваясь к скрипучему голосу.

– У нас в России вечно так, – скрипуче объяснил господин Фесуненко. – вечно бардак. вечно разруха. Третьего не дано. С самого начала бардак и разруха. У нас в России все надо менять. Все в корне, понимаете? От начала и до конца, не глядя на личности! Что может

построить народ, национальными героями которого являются такие философы, как Бакунин, и такие люди, как Павка Корчагин? Помните, как долго корчагинцы возились с узкоколейкой?

– Этот народ много чего построил, – осторожно возразил Сергей. – не только ту узкоколейку. – Он никак не ожидал, что директор «Русского чая» будет тратить время на какую-то чепуху.

– Вот и построил, – все так же скучно проскрипел господин Фесуненко. – Построил такую систему, в которой деньги из одного столичного банка в другой идут неделями.

– А они пришли? – обрадовался Сергей.

Господин Фесуненко внимательно на него посмотрел.

Во взгляде его не было ничего, кроме равнодушной внимательности.

Он и Павку Корчагина приплел, наверное, только для того, чтобы до Сергея как можно яснее дошла конкретная ситуация.

– Я видел копии вашего платежного поручения и видел выписку из лицевого счета МАП, – скрипуче объяснил господин Фесуненко. – Все правильно, к предъявленным документам у нас нет никаких претензий. Но на счет «Русского чая» ваши деньги все еще не поступили.

Господин Фесуненко произнес все это скрипуче, но по-прежнему вежливо.

К вопросу о Павке Корчагине он больше не возвращался.

Наверное, он давал этим знать, что беседа закончена.

Но Сергей не собирался сдаваться.

– Я понимаю, что существует коммерческая тайна, – заявил он упрямо, – но позвольте мне самому просмотреть выписки с ваших счетов за последние четыре дня. Сами знаете, всякое бывает в делах. Я хочу убедиться, что деньги действительно не пришли.

Господин Фесуненко посмотрел на Сергея вежливо и положил руку на один из телефонов. Под рукой Фесуненко их стояло сразу четыре – три черных рядом, и один белый в стороне. Не просто белый, а под слоновую кость и с литым металлическим гербом Советского Союза в центре диска.

Сергея это удивило.

Что за черт? Не может же директор какой-то фирмы, не очень, кстати, известной, иметь прямой выход на правительство?

И хмыкнул про себя: конечно, нет.

Просто такие, как этот Фесуненко, скупают все потроха издохшей, а кое-где еще только издыхающей империи. Скупают все, что блестит, все, что хоть чего-то стоит. Все берут, каждое лыко в строку. Возможно, что аппарат с гербом поставлен господином Фесуненко для самоутверждения.

Положив руку на один из черных телефонов, господин Фесуненко вежливо проскрипел:

– Спуститесь, пожалуйста, в бухгалтерию, господин Третьяков, Юрий Ильич перечислит вам... – (Значит, мои деньги все же пришли! – радостно вспыхнуло в мозгу Сергея.) – Юрий Ильич перечислит вам адреса юристов, к которым вы можете обратиться...

Разочарование оказалось острым.

– Какого черта? Зачем мне юристы?

– Но вы же хотите отыскать свои деньги?

Господин Фесуненко произнес эти слова так вежливо и так ровно, что прозвучали они чуть ли не издевательски (такое, видно, было у него настроение), он произнес эти слова так, будто ни на секунду не сомневался в том, что никаких таких *своих* денег у Сергея никогда не было и не могло быть.

– Да я только что из бухгалтерии! – сорвался Сергей. – Я заранее знаю все, что мне скажет ваш Юрий Ильич. Я настаиваю на том, чтобы вы позволили мне просмотреть счета за последние четыре дня.

Господин Фесуненко поднял трубку.

Он даже ничего не произнес.

Он просто поднял телефонную трубку и несколько секунд подержал ее на весу, однако в кабинет сразу вошли двое. Не те, что прогуливались внизу в защитном камуфляже, а совсем другие. Сергей до того их не видел, наверное, для внутренней охраны в «Русском чае» было приспособлено какое-то особое помещение со специальной системой оповещения. Тоже накачаные, собранные, уверенные в себе ребята.

Господин Фесуненко кивком указал на Сергея.

Один из охранников кивнул Сергею на дверь.

В правой руке охранника была зажата тяжелая резиновая дубинка, пиджак на поясе неприятно топырился. Сергей сразу оценил – ребята серьезные, спорить с ними не имеет смысла. При любом исходе дела такие ребята всегда остаются правыми. Собственно, они и сейчас были во всем правыми. Шефу мешают, они обязаны помочь, собственно, это их прямая обязанность. Извини, приятель, читалось в их настороженных глазах, мы, в общем, тебя даже понимаем, мы может, тебе даже сочувствуем, но твои проблемы это твои проблемы. Нам платят деньги за спокойствие фирмы, и мы честно отрабатываем получаемые нами деньги.

Так что, извини.

Сергей молча поднялся.

В сознании билось: *кинули!*

Поддержать за обезьяну

- Якушева помнишь? – спросил Левка, бросая на диван какие-то свертки.
- Какого Якушева? – начал было Сергей, но тут же вспомнил. – А-а-а, человек из Конторы. Валентин. Твой начальник охраны. Ну да, помню. Даже собирался ему позвонить.
- Сейчас поедem к нему.
- Не поздно?
- Завтра суббота.
- Удачно съездил?
- Во Владимир я неудачно не езжу, – Левка весело постучал себя кулаком по лбу. – А ты меня удивил, удивил, так тебе скажу. Когда собираешься вкладывать деньги в дело, предварительно изучи его. – Левка уже был в курсе разыгравшихся в его отсутствие событий. – Только придурок понесет собственные живые деньги в незнакомое место.
- Сергей кивнул:
- Твоя правда.
- Ладно, давай подробности. На чем погорел?
- На качественном и дешевом товаре, – объяснил Сергей. – Самое смешное, что товар действительно качественный и дешевый. И выглядело все необыкновенно привлекательно. Если честно, то даже привлекательнее, чем в МАП.
- Так всегда и бывает, – хмыкнул Левка. – Кто предложил товар?
- «Русский чай».
- Левка обидно рассмеялся:
- Наслышан, наслышан. Ходят всякие слухи. Бермудский треугольник в центре Москвы. Почему-то деньги, перечисленные в «Русский чай», всегда пропадают, – рассмеялся Левка еще обиднее. – Деньги отправлены, но «Русский чай» почему-то ничего не получает.
- И спросил:
- Много потерял?
- Три миллиона.
- Кредит?
- Конечно.
- Жаль. Но не смертельно, – подвел итог Левка. – Слышал про Виталика Тоцкого? Говорят, он сейчас прячется от кредиторов. Вот у него, говорят, долги смертельные.
- Я видел Виталика.
- Где? – удивился Левка.
- В гостинице «Академическая». По-моему, он не прячется.
- Ну, отсиживается, – мотнул головой Левка. – Еще неизвестно, что хуже. Над ним такой черный нимб, что может и правда нет смысла прятаться.
- И вдруг заинтересовался:
- В «Академической», говоришь?
- И ухмыльнулся:
- Может, тоже ребят послать? Застанут Виталика прямо в постели.
- Зачем?
- Так три штуки баксов! – воздел руки Левка. – Он взял у меня три штуки! И когда взял!
- Он тебе и червонца не вернет.
- У него так плохо?
- Даже еще хуже.
- Ну, мне вернет, – угрожающе заверил Левка, – мне он все вернет! – но Сергей покачал головой:

– Оставь его. И тебе ничего не вернет. Человека в его положении ни к чему нельзя принудить. Забудь про свои три штуки. Выброси их из головы. Хотя бы пока. Не знаю, как там дальше повернутся дела у Витальки, но сейчас он точно ничего вернуть не может. Конечно, ты можешь съездить в гостиницу, но только для того, чтобы покормить Витальку. Если его еще не убили. Или если еще он не смылся в Новосибирск. На всякий случай я оставил ему деньги на билет, но почему-то мне кажется, что он не смылся.

– Его пасут?

– Еще как!

– Ну вот, а ты говоришь! – непонятно чему обрадовался Левка. – Я так тебе скажу: в России вообще не надо никаких лицеев и гимназий. В России учит только сама жизнь. – И вдруг все-таки возмутился: – Почему ты пошел в этот «Русский чай» не посоветовавшись с Карпицким?

Сергей пожал плечами:

– Как-то неловко было. Все же я постоянный клиент МАП.

– Карпицкий бы не обиделся. Так и запомни на будущее. Карпицкий к тебе нестандартно относится. Не знаю, чем ты его пронял, но относится он к тебе нестандартно.

К Валентину они отправились на такси.

Пока пробивались сквозь плотный поток машин городского пятничного вечера, пока торчали в пробке на Цветном, Левка, веселясь, строил возможную схему работы незаметной фирмы «Русский чай». В своих рассуждениях он руководствовался подробным рассказом Сергея и слухами, уже доходившими до него. Получалось, что Сергей попал на самое обыкновенное, можно даже сказать, на грубое кидание.

– Ну вот сам посуди, какое сейчас благодатное время для всяческих кидал, – веселился Левка. – Курс доллара непрерывно растет. Никто не может угадать, на сколько пунктов он подскочит за сутки, зато самый последний придурок может смело утверждать, что в ближайшие три месяца доллар падать не будет, а напротив будет только расти. «Русский чай» смело собирает рубли с клиентов и тут же обращает их в доллары. Конечно, рано или поздно «Русский чай» рассчитывается хотя бы с некоторыми из клиентов, но вот именно не сразу, а рано или поздно, а если быть совсем точным, то именно поздно, по ценам фактического дня отпуска. Понимаешь? Готов держать пари, что деньги клиентов приходят в «Русский чай» вовремя, в день перечисления, иначе и быть не может, только у клиентов нет возможности это проверить. В итоге, не получая товара, они несут колоссальные убытки, а «Русский чай» наоборот активно крутит их денежки. Доход «Русского чая» выражается не теми цифрами, к которым ты, например, привык, – засмеялся Левка. – Доход «Русского чая» выражается такими цифрами, что, в принципе, господин Фесуненко действительно иногда позволяет себе возвращать клиентам их деньги. Как я уже говорил, поздно или рано. При этом учти, что *рано* для самих клиентов все равно поздно. «Русский чай» возвращает полностью выжатые, уже ничего не стоящие, съеденные инфляцией, траченные молью бумажки. Вот, дескать, ваши жалкие рубли, нашлись! Забирайте! Вот та самая сумма, которую вы нам недавно перечислили. Требуете индексировать? Да с чего бы это? Мы, что ли, вызываем инфляцию? Вот ваши деньги, все до копейки. Мы люди честные. Что получили, то и возвращаем!

– Ну, и так далее, – ухмыльнулся Левка. – В «Русском чае» сидят не дураки. Они умело составляют договора с клиентами и в этих договорах нет, наверное, пункта, который позволил бы клиентам в случае возникших проблем требовать возмещения своих убытков через арбитражный суд. Людям, попавшим в лапы «Русского чая», как правило, не удастся компенсировать понесенные убытки. А не нравятся правила игры, не хочешь с нами сотрудничать, ну и не надо, найдем других клиентов! И находят. Ты ведь понимаешь, что никто нынче не рискует держать при себе свободные деньги, все должно находиться в активном обороте. Какой к черту

особый пункт в договоре, если «Русский чай» действительно предлагает дешевый и качественный товар, к тому же сразу. *Как только придут деньги.* Понял, какая изящная схема? Правда, деньги почему-то идут в «Русский чай» неимоверно долго. А когда приходят, они совсем уже не те. А «Русский чай» еще и пальчиком помахивает укоризненно: вот де, козлы, нашлись ваши деньги! Да и почему «Русскому чаю» не помахивать укоризненно пальчиком? Сливки-то они сняли. И никто не может надавить на «Русский чай» потому что все каналы передвижения денег по Москве плотно контролируются друзьями и соратниками того же господина Фесуненко.

– Я готов получить даже первоначальную сумму, – мрачно заметил Сергей.

– Твое желание объяснимо, – ухмыльнулся Левка. И вновь восхитился: – Нет, ты только гляди, как изящно продумано! И не крути головой, не впадай в прострацию, а учись, черт тебя побери, учись! Такие уроки стоят любых денег. Идет большая игра, идет настоящая игра, ты понимаешь? Доллар растет и растет, любой деловой человек старается как можно быстрее купить товар и так же быстро его продать. Ни у кого нет и часа на передышку! Вот и получается, что в таких условиях доходы «Русского чая» растут как на дрожжах. Готов держать пари, что «Русский чай» специально создан под нынешние условия.

– Кем создан?

– Ну, этого я не знаю. Но ты вроде говорил, что на столе у этого Фесуненко стоит телефон с гербом?

– Ну и что?

Левка неопределенно пожал плечами.

– Да неужели нельзя в это вмешаться? – никак не мог понять Сергей. – Неужели никто не может поставить Фесуненко на место?

Левка засмеялся:

– А ты знаешь его место? Вот то-то и оно. Ты, похоже, еще не совсем вник. Повторяю для дураков, дело тут вовсе не в господине Фесуненко. Нынче именно сама ситуация располагает к киданию многочисленных клиентов. Если бы в «Русском чае» сидели одни только кристально честные люди, все равно дела шли бы именно так, а не иначе. Это же бизнес! Самые кристальные люди ведут себя в данной ситуации именно так.

– Но...

– Молчи! – приказал Левка. – Молчи и слушай старших! Все мы совершали в своей жизни проступки, которыми не сильно погордишься. Помнишь, например, как мы с тобой в Томске добывали водку под Новый год во времена незабвенного указа об ограничении продажи спиртного? Надевали костюмы Деда-Мороза и шли прямо в магазин, минуя огромную очередь. Понятно, нас останавливали, куда, дескать, сраные деды, прете без очереди? А мы скромненько отвечали: мы, может, и сраные деды, но направлены профсоюзом, и идем именно в магазин, чтобы поздравить с Новым годом работников торговли. Они не люди, что ли? И очередь, как ты помнишь, всегда пропускала нас. И менты не вмешивались. А почему? Да как раз потому, что мы правильно использовали текущий момент. Точно так поступают сейчас деловые парни из «Русского чая». Повторяю, если до тебя еще не дошло: я абсолютно, я на все сто процентов уверен, что переведенные клиентами деньги своевременно приходят на счета «Русского чая», поэтому-то господин Фесуненко и не позволяет никому заглянуть в свои документы. Уверен, что «Русский чай» каждый день кидает клиентов на десятки лимонов, на сотни лимонов. Ведь доллар растет и растет. Так растет, что не идет речи даже о фактическом возврате кредитных ставок, которые были заложены для клиентов банками. Речь идет только о колоссальной выручке самого «Русского чая». Если хочешь совсем точное определение, то действия «Русского чая» можно определить не как грубое кидание, а как своеобразную и очень своевременную деловую подстройку под совершенно реальные текущие экономические условия. Дошло? Ты аккуратно сделал проплату, тебя неделю морочат, используя твои деньги в

качестве своеобразного беспроцентного кредита, а потом еще и укоряют: вот, дескать, твои деньги, забирай, козел! Только если их и вернут, что в них толку? Ведь их возвращают не по вчерашним, а по сегодняшним, ценам. И потери никто тебе не индексирует. Так что, кидают клиентов в «Русском чае» не просто на ставку, а еще и на прибыль. Дивная вещь! Как мне самому не пришло в голову!

– Но почему никто не копнет под этого Фесуненко?

– Пытались, наверное, но он не дурак. И, судя по всему, у него крепкая крыша. Не знаю, кто стоит за ним, но крыша у него явно крепкая. Кроме того, он, кажется, работает в основном с приезжими. Прилетает, скажем, вот такой, как ты, валенок из Сибири, или из далекого Приморья, а то еще лучше с Сахалина или с Камчатки, из самой Тмутаракани, и начинает жадно искать, где дышится лучше. Душа горит, в глазах искры. Это понятно. Ведь время не ждет! Живые деньги сгорают! И чем отдаленнее место, откуда прилетел валенок, тем сильнее желает он поскорее избавиться от собственных денег. Они жгут ему руки, он мечтает прямо сейчас обменять эти горящие ежечасно деньги на любой товар, для него каждая секунда – потеря. И тут возникает чудесное явление – «Русский чай». Неброская реклама в «Поле чудес», несколько строк в коммерческих вестниках! Опять же, качество, условия, отношения! А деньги горят, ох, горят. Некогда наводить справки. Приходится верить рекламе и деловитому вежливому голосу господина Фесуненко...

Левка захохотал:

– Вот даже ты поверил!

Капитан госбезопасности Валентин Якушев жил в однокомнатной квартирке на Красноказарменной.

Уже на лестнице они услышали запах кофе.

– Где жена? – весело заорал Левка.

– В отпуске.

– Я как чувствовал! – еще веселее заорал Левка, вытаскивая из «дипломата» бутылки. – Мечи закусь на стол! Коньяк у меня еще тот, советский. Не забыл вкус настоящего коньяка?

– Советского или армянского?

– А какая разница?

– Мне армянский не по карману.

– Но ты же подрабатываешь в частной фирме, – удивился Сергей. – Разве Левка плохо платит?

– Как может, – уклонился от прямого ответа капитан.

– А как ты попал в частную фирму?

– Исключительно по нужде, – усмехнулся Валентин. – У меня дочь в седьмом классе. Это так считается, что в Конторе хорошо платят. После позапрошлого года августа нас сгоряча вообще чуть не разогнали. Правда в последний момент большим рулям хватило ума осознать, что без Конторы, ну, скажем так, без органов не обходится ни одно государство, даже самое демократическое. Но конечно, Левкина фирма мне помогла, а Левка подтвердит, что свои деньги я отрабатываю.

И спросил, уводя разговор в сторону:

– Проблемы?

Сергей кивнул.

Ему понравилось, что от Валентина проистекало спокойствие.

Можно даже сказать – доброжелательное спокойствие.

«Тоже странно, – подумал Сергей. – На Алтае спокойствие Валентина было понятно: лето, отпуск. А в суетной Москве? Да еще две работы. Известно, жизнь в столице требует нервов...»

– Серьезные проблемы?

Сергей снова кивнул.

Он чувствовал доверие.

Действительно чувствовал доверие к Валентину, но вот все равно, черт возьми, ни на минуту не мог забыть о потерянных деньгах.

– Вообще-то я такими делами не занимаюсь, – осторожно заметил Валентин, детально порасспросив Сергея. – Но пошуршать можно. Если ты не против, я прямо завтра наведу кое-какие справки, понятно, по своим каналам... «Русский чай»... «Русский чай»... – задумчиво повторил он. – Посмотрим, что за перцы там произрастают... Как, говоришь, имя главного?

– Фесуненко Анатолий Иванович.

– Посмотрим, посмотрим, что за перец. Повезет, подержим его за обезьяну. А для начала проверим через ЦАБ.

– Это что такое? – удивился Сергей.

– Центральное Адресное Бюро. Собственно, тебе это знать ни к чему. Какая там у них, в «Русском чае», охрана?

– По-моему, сильная охрана. И снаружи люди, и внутри.

– Ну, наведуясь к ним завтра. Поинтересуюсь закупками, условиями, то да се. Суну в карман какую-нибудь железяку.

– Зачем железяку?

– Ну ты же не можешь мне сказать, стоят у них там металлоискатели или нет, держат они круглосуточную охрану или обходятся только дневной, и так далее, правда? – засмеялся Валентин. И закрыл тему: – Не ломай голову. Если что-то можно сделать, сделаем. Вот только с деньгами... Вернуть деньги... Не знаю... По моему, шансов мало...

– А по-моему, их совсем нет, – заметил Левка.

И оказался не прав.

Через день, заглянув в МАП, Сергей поймал на себе внимательный, даже изучающий взгляд голубоглазой секретарши Карины. Она сама проводила Сергея к Карпицкому.

– Кофе?

– Не откажусь.

Во взгляде Карпицкого Сергей вдруг поймал то же внимание, что и в глазах Карины: «Что это тебя потянуло в „Русский чай“? – Карпицкий знал уже о случившемся.

– Бес попутал.

– И каков итог?

– Впечатляющий. Потеряно время, потеряны деньги.

– Ну, время, да, – кивнул Карпицкий. – Время никак не вернешь. Но деньги не совсем потеряны.

– То есть? – не понял Сергей.

– «Русский чай» вернул твои деньги, – усмехнулся Карпицкий и во взгляде его вновь появилась странная заинтересованность. – Обратно на наш счет. Конечно, это уже не те деньги, какими они были неделю назад, но все же деньги, и если вложить их с умом... – Он пододвинул чашку к Сергею. – Если нет других вариантов, можешь набрать товар у нас. Для тебя сделаем скидку. У нас, понятно, дороже, чем в «Русском чае» – опять усмехнулся он, – зато надежнее. Здесь тебя не обидят. А понадобится, можем и обезналичить.

– Возьму чаем и кофе, – решил Сергей.

– Замётано, – Карпицкий внимательно взглянул на Сергея. – Ты все же зря не посоветовался со мной.

– Мне и Левка высказал то же самое, – признался Сергей. Он пока ничего не понимал, кроме того, что его деньги нашлись. – А как они... Ну, как эти чертовы деньги вернулись в МАП? Ведь Фесуненко утверждал, что на счет «Русского чая» они не поступали.

– Так и утверждал?

– Да.

– Значит, врал, – покачал головой Карпицкий. – Думаю, что деньги в «Русский чай» всегда поступают вовремя. Просто у них такой метод, тянуть время. Но тебе, Сергей, советую не поднимать шума. Будь доволен тем, что твои три миллиона все же вернулись.

– Можно я позвоню?

– Фесуненко?

– С ним меня, наверное, не соединят, – ухмыльнулся Сергей. – Хотя бы уж главбуху.

– Звони.

Юрий Ильич откликнулся сразу.

– А-а-а, это вы, – обрадовался он, узнав Сергея. – Рад за вас. Нашлись ваши деньги. Мы переправили их обратно в МАП.

– Разве я просил об этом?

– Нам показалось, что вы отказались от мысли сотрудничать с нами.

– Ну, это-то вам как раз не показалось, – Сергей сразу решил расставить точки над и. – Я, конечно, рад такому исходу, но никакой благодарности не испытываю. Больше того, всем, кому смогу, дам вашей фирме самые наихудшие рекомендации. По крайней мере, сибиряки к вам больше не пойдут.

Юрий Ильич рассмеялся, но смех его прозвучал натянуто, будто в глубине души он действительно опасался Сергея:

– Вы, наверное, романтик?

– Возможно.

– Я это к тому, – опять рассмеялся Юрий Ильич, – что могущество «Русского чая» прирастает пока вовсе не Сибирью.

Сергей повесил трубку.

– Поговорил?

– Что толку?

– Ладно, не гневи небо, – Карпицкий снял очки и опять внимательно посмотрел на Сергея. В его глазах таился невысказанный вопрос. – Этот главбух, которого зовут Юрий Ильич, он, кажется, считает тебя пронырливым малым, да? По крайней мере, любой на его месте заинтересовался бы тобой.

– Это почему?

– Насколько я могу судить, вырвать у «Русского чая» проглоченную им добычу трудно. Практически даже невозможно. Ходят всякие слухи об этой фирме. Не буду их пересказывать. Вот целую неделю вертели они деньгами, не обращали на тебя никакого внимания и вдруг на тебе! – внезапно вернули деньги. Возникает вопрос – почему? Что такое случилось? Чем можно испугать «Русский чай», не прибегая к силовым приемам? Вот я и навел справки. Естественно, по своим каналам. А знающие люди мне даже намекнули, не надо мол связываться с этим «Русским чаем»... Но ты-то, – произнес Карпицкий с явным удивлением. – Ты-то сорвал свое!

И помолчав, прямо спросил:

– Как?

И тут до Сергея дошло – это же, конечно, Валентин, это его работа! Это капитан госбезопасности Валентин Якушев! По своим каналам он, видимо, копнул господина Фесуненко и, видимо, крепко копнул, если это сразу произвело такой эффект.

Ну конечно это Валентин, утвердился Сергей в своей мысли.

Но вот странно, почему-то ему не хотелось делиться своей догадкой даже с Карпицким.

– Да так... – неопределенно заметил он. – Есть у меня один приятель...

– В бизнесе? – удивился Карпицкий.

– Да нет... В Конторе...

– В какой конторе? – не понял Карпицкий.

– Ну, не в торговой же... – еще больше нагнал загадочности Сергей.

И кивнул все так же неопределенно, как бы давая понять, что поминать все упомянутую Контору не стоит.

– Ладно, сибирский рейнджер, – с непонятным удовлетворением рассмеялся Карпицкий. – Мы не «Русский чай». Пока твои деньги совсем не растаяли, иди набирай нужный товар и гони его в Сибирь. А на будущее запомни: лечиться следует у одного врача. Если работаешь с МАП, не бегай на сторону. Бизнес ревнив, сам знаешь.

В тот же вечер Сергей загрузил товар в поезд, а сам уехал в Домодедово.

Ожидая посадки на томский борт, он неторопливо прошелся по залу ожидания.

Выпил банку пива, покурил у окна, пользуясь тем, что не видно милиционеров, потом вспомнил: а вон там, перед тем киоском неделю назад, бросив под колени коврик, молился араб в белом бурнусе.

Плохая, оказывается, примета.

Ночной звонок

Прошло две недели.

Сергей снова прилетел в Москву.

Дела складывались в общем неважно.

Конечно, можно было продолжать закупки, мотаться туда-сюда, но Сергей остро чувствовал, что за инфляцией ему не угнаться, что на перепродажах нынче далеко не уедешь, что он почти не получает прибыли, да и неинтересно заниматься одним и тем же.

Из Домодедово позвонил Валентину:

– Как смотришь на бутылочку хорошего коньяка?

– Положительно, – коротко ответил Валентин.

– Где встретимся?

– У меня, – ответил Валентин так же коротко. – Подъезжай к вечеру. У меня и заночуешь.

– А семья?

– Семья еще в отъезде.

Лысый таксист (свободная Левкина машина оказалась в ремонте) сильно удивил Сергея невероятной смесью фундаментальной наглости и столь же фундаментальной ответственности.

– До Красноказарменной? Да пожалуйста. Да хоть до конца света... Только до этой Красноказарменной далеко, до нее мало не дают... Правильно, правильно меня понял: мало не дают... Счетчик? А чего счетчик? Может, он не работает. Может, он работает в другую сторону. Кто сейчас полагается на счетчик? Я, например, классный водила, я сам тебе отщелкаю нужную сумму. И зря смеешься. Не те сейчас времена, заработать трудно. Я, например, пусть хоть раз в неделю, но выхожу на ночные работы на Сортировочную. Разгружаю вагоны... Как платят? Да как... Хреново... А зачем хожу? – таксист пожал плечами. – Ну, как зачем? Грабить награбленное. Так нам велели вожди, а им виднее. Помнишь, небось, Леонида Ильича? Царство ему небесное. Сам жил и другим давал. В газетах писали, что когда Ильич был молодым, то сам ходил на станцию, как вот я сейчас. Известное дело, дурное дело не сложное: два мешка на склад, а третий в кусты. Все довольны, а страна богатая, не обеднеет. К тому же, ты не возьмешь, другие возьмут, обидно... А теперь так вообще... Теперь воруют не вагонами, а составами... Что я беру? Да известно... Ну, рис там... Мука... Иногда сахар... Государство не обеднеет... Правильно?

– Неправильно, – усмехнулся Сергей. – И вообще, гляди не на меня, а на дорогу, помнешь КАМАЗ.

– КАМАЗ память трудно, – не согласился таксист. – Только мы все равно всех достанем. Вот погоди, наши придут, мы всех достанем.

– Если ты с каждого берешь, как с меня, зачем тебе ходить на Сортировочную?

– А дети в школе? А жена не работает? А баба на стороне?

Сергея так и подмывало выложить услышанное Валентину, но Якушев, даже выпив, остался сдержанным.

– Проблемы? – насторожился Сергей.

Валентин неохотно кивнул.

– В Левкиной конторе?

Валентин помотал головой.

– На службе?

Валентин кивнул. Будто слов у него не было.

– Нарушил моральные принципы? Изменил присяге?

– Давай без шуток, – сухо ответил Валентин.

– Да что там у тебя?

– Помнишь, – взглянул Валентин на Сергея, – в прошлый раз ты просил меня проверить одного перца?

– Какого перца? – не сразу дошло до Сергея. – А-а-а, господина Фесуненко. Ты о нем? О директоре «Русского чая»?

– О нем, – нехорошо усмехнулся Валентин. – Я ведь тогда действительно побывал в конторе этого перца, кабинет видел, телефоны, посмотрел на его охрану. Ну, так скажу, профессиональная у него охрана. Обученная, техничная. Не у каждого есть такая. Но главное, я сделал тогда запрос через ЦАБ. И узнал одну интересную деталь.

Валентин выдержал паузу:

– Оказывается, этот перец не прописан в Москве.

– Ну и что?

– Как это что? – удивился Валентин. – Ты-то должен знать. Существует официальное положение, по которому предприятие, директор которого не прописан в Москве, в столице не регистрируется. А перец из «Русского чая», повторяю, в Москве не прописан. Вообще мне у них не понравилось.

– Ну и хрен с ними, – пожал плечами Сергей.

Но вдруг до него дошло:

– погоди, погоди. Ты хочешь сказать, что твои нынешние проблемы... Что они как-то связаны с «Русским чаем»?

Валентин усмехнулся:

– Если быть точным, то скорее с тобой.

– То есть получается, что господин Фесуненко каким-то образом узнал о том, что ты заинтересовался его фирмой?

– Выходит, что так. Узнал, и довольно быстро. Как-то очень уж подозрительно быстро, – неохотно кивнул Валентин. – Скажем так, мои скромные хлопоты были замечены практически сразу. Я правда и не сильно их скрывал. А зря оказывается. Я твоего перца не успел даже подержать за обезьяну, а меня уже вызвали к шефу. Шеф у меня в Конторе большой руль. Он ко мне относится доверительно. Поэтому он время тянуть не стал, а сразу заявил: ты не в свое дело полез, капитан Якушев! А меня учить не надо, – усмехнулся Валентин, – я сразу понимаю, когда намекают на утечку информации. Этими своими словами шеф с одной стороны как бы сразу ставил меня на место, а с другой как бы и намекал дружески и доверительно: не за железным занавесом живешь, капитан Якушев, каждое твое движение, капитан Якушев, мне открыто! Я, понятно, с шефом объяснился, ничего скрывать не стал. Так объяснился, что веду якобы одну разработку, приходится заглядывать и в соседние огороды. Разработку я действительно вел и шеф вникать в детали не стал, но повторил особенным голосом: не следует заглядывать в чужие огороды, капитан Якушев! У меня, понятно, к шефу не возникло никаких вопросов. Только киваю понимающе. Все-таки я человек в погонах, присягу давал, обязан подчиняться старшему по службе. Но есть теперь, Сергей, такое мнение, что контора перца, на которого мы с тобой наехали – это, так сказать, артефакт... То есть, фирма созданная искусственно...

– А фирмы только так и создаются, – удивился Сергей. – Ты мне объясни простыми словами.

– Ну, если простыми, то так... – поколебавшись, объяснил Валентин. – Если простыми, то фирма этого перца... – было видно, что все, что Валентин говорит, сильно ему не нравится. – Ну, скажем... Вот вполне может оказаться так, что контора этого твоего перца создана специально... Для отмывки денег... Не важно, каких... И настоящий хозяин там вовсе не господин Фесуненко... Доходит до тебя? Вполне возможно, что вся эта фирма создана для специальных умными и инициативными ребятами... Может даже в погонах... Им ведь тоже нужны

деньги... Им даже особенно нужны деньги... И большие... Они на безопасность страны работают... Доходит?

– Пока не совсем. Ну, пусть этот «Русский чай» создан даже ребятами в погонах, что с того? Сейчас везде полно таких фирм. Говорят, они есть уже и в МВД и в армии. Пусть даже господин Фесуненко в «Русском чае» не главное лицо, что в этом особенного?

Валентин усмехнулся:

– Всего объяснять не стану. Да тебе этого и не надо. Но кое-что объясняю. Хотя, я, конечно, могу ошибаться, – опять заколебался он. – Вот всем сердцем чую я нехорошее. Меня, Сергей, за одно только предположение, которое я тебе высказал, запросто могут вычистить из рядов. Доходит? Причем со специальным определением.

– Ну и плюнь, – разозлился Сергей. – Сдалась эта тебе Контора! Левка платит аккуратнее.

– Ну да, сегодня платит, а завтра... – Валентин оборвал себя: – Не забывай, я человек в погонах!

Сергей пожал плечами.

Он с удивлением оглядел Валентина.

Ну, ладно, Валентин – служака. Он действительно человек в погонах. Почитание профессии из него ничем не выбьешь, да и не надо этого, поэтому работа у Левки в принципе не может стать главным делом Валентина. Пока он служит в Конторе, ничто не заменит ему главного дела. Легкий приработок, ну, это еще куда ни шло. Некая параллельная игра, разыгрываемая в свободное время... Но все это возможно лишь потому, что Валентин на службе не привязан к стулу. Оперативная работа предполагает время для встреч, ну, мягко скажем, с информаторами, так что время для обслуживания Левкиной фирмы Валентин пока имеет. Хотя работы там достаточно. В наше время случайный человек с улицы в серьезную фирму просто так не должен входить. В серьезную фирму люди, как правило, входят только после предварительных звонков, все ненужные посетители вовремя отсеиваются, нужные идут по ключевым фразам. В самом деле, зачем шарахаться по коридорам чужим людям, территория деловой фирмы не ЦПКО. А то ведь так любой случайный (или не случайный) человек может запросто добраться до того же Левки и задать ему кучу всяких нехороших вопросов. А вот какие у вас доходы, например? А вот каким имуществом располагаете? А вот почему дружески не делитесь доходами с хорошими людьми?

Ну, и все такое прочее.

Странная мысль пришла в голову Сергея.

Ну, были мы с Валентином на Алтае. Ну, провели там вместе десяток неплохих дней. Ну, помог мне Валентин в этой истории с «Русским чаем». А что, в сущности, я знаю о нем?

Голубоглаз, да.

Крепок, плечист, сдержан.

Но в Москве много плечистых, крепких, голубоглазых, сдержанных. Подумаешь, редкость, этакая белокурая бестия. Таких бестий в нашей стране всегда было навалом. У них могут ноги криво расти, и глаза у них могут быть пустыми и тусклыми, и волосы не виться, а висеть невыразительными космами, все равно они бестии.

Такая карма.

А может, для капитана Якушева, странно подумал Сергей, Левкина контора всего лишь полигон для отработки каких-то новых профессиональных методов? Где еще отрабатывать новые методы, как не в брокерской конторе? Конечно, Империя рухнула, Контору, как и все вокруг, ощутительно побило обломками, но все равно Контора являлась и является самой живучей из многих и многих разнообразных контор, созданных за семьдесят с лишним лет существования Империи. И каждый ее сотрудник, хотя бы теоретически, обязан проявлять некоторую инициативу.

– ...короче, на службе пошли у меня разборки, – будто издалека донесся до Сергея голос Валентина. – И временно меня отстранили от дел.

Сергей пришел в себя.

Ему стало неловко за свои мысли.

Какие, к черту, белокурые бестии! Какая, к черту, отработка методов!

Перед ним сидел удрученный внезапно свалившимися на него проблемами человек. Нормальный живой человек, совсем недавно бескорыстно помогший ему, Сергею. И проблемы у него возникли из-за Сергея. Поэтому Сергей и сказал:

– Да плюнь ты на это. Ты мне помог, теперь моя очередь.

Валентин недоверчиво усмехнулся.

И зря.

Несмотря на то, что собственные дела Сергея совсем не выглядели блестящими, как раз сейчас он действительно мог помочь Валентину.

Дело в том, что несколько дней назад ему позвонили.

Звонок оказался междугородний и прозвучал чуть не в три часа ночи.

Еще больше удивился Сергей, услышав голос Карпицкого.

«Догадываюсь, что в Томске уже ночь, – извинился Карпицкий. – Но ты меня прости, пожалуйста. Утром улетаю в Будапешт, а дело у меня срочное, отлагательства не терпит».

Звонок Карпицкого!

Конечно, Сергей, был весь внимание.

Отношения отношениями, пусть даже самые доверительные, но в глубине души Сергей всегда уважительно помнил, кто есть Карпицкий, а кто есть он. Нечего говорить, этот поздний звонок даже польстил Сергею.

А умница Карпицкий время тянуть не стал:

– У меня к тебе два вопроса.

– Внимательно слушаю.

– Твой приятель, который напугал ребят из «Русского чая», он все еще сидит на своем месте? Он профессионал? На него можно положиться? – наверное, Карпицкий считал это все одним вопросом.

Сергей ответил коротко:

– Да.

– Ты мог бы устроить встречу?

Вопрос был задан впрямую, и Сергей сразу понял, что его присутствие при такой встрече вовсе не обязательно, а, может быть, даже и нежелательно. В этом разговоре о будущей встрече его, Сергея, как бы сразу выносили за скобки.

Но, конечно, это не могло обидеть Сергея:

– Думаю, такая встреча возможна.

– Когда ты собираешься в Москву?

– Дня через три.

– Надолго?

– Пока не знаю.

– На день? На два? На неделю?

– Честно, не знаю. Устал. Может, съезжу в Болгарию.

– Что тебе понадобилось в Болгарии? – удивился Карпицкий.

– Хочу отдохнуть.

– В Болгарии? Да у них там бензина нет.

– Да мне всех-то дел – повалиться на пляже.

– Тогда поезжай в Грецию, – дружески посоветовал Карпицкий. – Но не на материковую, а на архипелаг. Там есть островки, на которых можно хорошо отдохнуть. И с визой помогу, если захочешь поехать индивидуально.

Вот этот разговор Сергей сейчас и пересказал Валентину.

– Ну, МАП, это я слышан, – покачал головой Валентин. – И о Карпицком, понятно, слышан. Вечно вы с Левкой водите шашни с фирмами, которые на примете.

– У кого на примете? – не сразу понял Сергей. – Московское Акционерное Предприятие – надежная фирма. На такую фирму всегда можно положиться.

– Таких фирм не бывает, – возразил Валентин.

– В МАП работают надежные ребята, – настаивал Сергей. – Если хочешь знать, именно на таких ребят и можно положиться.

– Таких ребят тоже не бывает.

– Ну, как хочешь, – обиделся Сергей. – Может, они и не совсем такие хорошие, но все равно. Почему бы тебе не поговорить с Карпицким? Что ты теряешь? Плохого он не предложит, я его знаю. Вот телефон. Назовешь секретарше фамилию, она тебя соединит с Карпицким.

– Ладно, – кивнул Валентин.

Весь день Сергей носился по Москве.

Что-то складывалось, что-то не складывалось.

Сергей, в общем, везде успевал, но не было, не было того прекрасного внутреннего чувства, которое когда-то охватывало его при решении даже не главной задачи. Случайно оказавшись в районе Крымского вала, он вспомнил про Виталика Тоцкого. Он ничего не слышал о Тоцком со времени случайной встречи в гостинице «Академическая». Выскочив из машины у ближайшей телефонной будки, он позвонил в гостиницу. Почему-то ему казалось, что звонок этот напрасен, что Виталика он не услышит. Съехал, наверное, или выгнали наконец. Но в трубке прозвучал напористый голос:

– Тоцкий у аппарата.

– Воздухоплавательного?

– Серега! – хохотнул Тоцкий. – Откуда?

– Из столицы. Дай думаю, позвоню. Как ты?

– Да я как раз о тебе думал. В Москве, думаю, Серега или нет? Мозгую, как на тебя выйти.

Сергей почувствовал угрызения совести.

Оказывается, он, Сергей, все это время никуда не исчезал из памяти Виталика Тоцкого. Более того, в этом суетном, в этом сумасшедшем мире Сергей, кажется, по-прежнему нужен Виталику. Понятно, что Виталик сейчас привычно попросит денег, штуку, а то и две баксов, но ведь что еще можно просить у людей в этом суетном, в этом сумасшедшем мире? Конечно, Виталик прекрасно знает, что у него, у Сергея, как всегда, нет никаких свободных денег, но обязательно попросит штуку баксов, хотя бы ради тренировки, чтобы не отвыкать от дела, чтобы постоянно держать руку на пульсе. Понятно, я не дам Виталику ни цента, но все равно хорошо, что я ему позвонил.

– Это хорошо, что ты мне позвонил! – энергично радовался Тоцкий. – Я тут голову сломал, отыскивая твой след. Москва большая, а позвонить некому. Я бы позвонил министру финансов, да он в этом деле, наверное, разбирается хуже тебя. Возраст у него не тот. Наверняка, министр финансов разбирается в этом деле хуже тебя. Ты ведь у нас кандидат наук?

– Ну.

– Отвечай прямо! Кандидат?

– Ты не ошибся.

– Тогда скажи, как лечить мандавошек?

– Они что у тебя, больные? – обиделся Сергей.

Виталик шумно заржал:

– Это не у меня! Это у совсем другого человека. Он нам спать не дает. Не знаю, больные у него мандавошки или здоровые, но только человек большого чечена Исы твердо заверил нас, что убьет ночью нового постояльца, если тот не перестанет чесаться...

Сергей повесил трубку.

Ну, дурдом. Ну, хреновина.

Вот сидит Виталик в дыре (и не просто финансовой), вот сидит он в самой черной и глубокой дыре, которую можно представить, и при этом волнуется за судьбу какого-то паршивого бандита. В том, что речь идет о бандите, Сергей нисколько не сомневался. Человек в номере Тоцкого по определению не мог быть никем другим. Я, значит, переживаю за Виталика, обиделся Сергей, торчу в телефонной будке, а Виталика волнует проблема приболевших бандитских мандавошек!

Повесив трубку, он хмуро посмотрел на набережную, по которой бесконечным потоком шли машины. Странно все-таки все построено в жизни. Сперва эти вежливые грабители из «Русского чая»... Потом сам господин Фесуненко со скрипучим голосом... Потом вздорные усики Юрия Ильича, все эти тюменские братки, чечены и неудачники...

Ладно.

Когда вечером в квартире у Левки зазвонил телефон, Сергей сразу догадался, что звонят ему, и звонит Валентин. Почему-то Сергей был стопроцентно уверен в том, что звонит Валентин. Но, подняв трубку, к большому изумлению услышал голос Карпицкого:

– Ты один?

– Да нет. Левка здесь. Тебе позвать Левку?

– Да нет, я тебе звоню. Левке привет а тебе спасибо.

– За что?

– Сегодня я встретился с твоим приятелем.

Сергей помолчал, переваривая информацию. Потом спросил:

– Ну и как он? – (речь, понятно, шла о Валентине).

– Дельный человек. Мне понравился.

Часть вторая

Капитан Якушев

Задача

С Карпицким Валентин встретился на Варшавском шоссе.

Новенькая «девятка» стояла метрах в ста от пустой автостоянки.

Незаметно глянув на номера, Валентин подошел и открыл дверцу. Со стороны все выглядело самым естественным образом: вот человек подошел к своей машине, ну, может, к машине приятеля, и усаживается. Так же спокойно прозвучал голос Карпицкого:

– Валентин Иванович?

Он кивнул.

Как позже признался Валентин, перца из Московского Акционерного Предприятия он представлял себе несколько другим человеком. Может более мягким, может не столь железно уверенным, более интеллигентным, даже в чем-то немного избалованным, а за рулем «девятки» сидел человек крепкий, вполне уверенный. Он несомненно знал цену своего времени и сразу направил разговор в нужное русло.

В салоне пахло незатертой кожей, незнакомой иностранной отдушкой. Абсолютно не мешая разговору, наплывала негромкая музыка.

И – ничего лишнего.

Никаких этих игрушек, никаких болтающихся на нитках глупых ребячливых талисманов.

– Со слов нашего общего друга, – (Карпицкий, понятно, имел в виду Сергея), – я в общем представляю ваши возможности... Конечно, хотелось бы знать вас лучше, но...

– Ценю вашу откровенность.

– Давайте сразу договоримся, – улыбнулся Карпицкий. – Если моя просьба покажется вам невыполнимой, если вы сочтете ее заведомо неприемлемой, сразу откажитесь. Можете отказаться прямо сейчас, – кивнул Карпицкий. – В любом случае вы должны гарантировать мне конфиденциальность этой встречи и всех других встреч, если они последуют. Согласитесь, нелепо терять важную информацию только потому, что мы вдруг, пусть даже на самое короткое время, проникнемся друг к другу уважительными чувствами.

Валентин кивнул.

Он видел, что Карпицкий колеблется.

Может, поэтому и спросил суше, чем следовало:

– В чем суть вашей проблемы?

– Ну, суть ее проста...

– А конкретно?

– Московскому Акционерному Предприятию, о которой вы знаете от своего друга, год назад, ну, может, несколько больше... Это неважно... Некие деловые люди задолжали деньги... Серьезные деньги, даже очень серьезные... И мы никак не можем вернуть того, что принадлежит нам по праву.

– А вы уже предпринимали какие-то попытки?

– Конечно, – неохотно кивнул Карпицкий. – К сожалению, они не привели к положительному результату.

– Вы хорошо знаете своих должников?

– Более или менее.

Ответ удивил Валентина.

– Что значит, более или менее? – переспросил он. – Обычно деловые люди хорошо знают своих должников.

Карпицкий изучающе оглядел Валентина.

Впрочем, во взгляде его не было подозрительности.

Кажется, прямота Валентина пришлась ему по душе, хотя он еще не решил – довериться ли ему полностью?

В конце концов он решился.

– Существует некий банк, – объяснил он. – Будет понятнее, если мы начнем с него. По крайней мере, вы сразу сможете прикинуть, по силам ли вам предлагаемое дело.

– Где расположен банк?

– В Эстонии.

– В Эстонии? – удивился Валентин. – Но это другое государство. Я бы даже сказал, не очень-то благожелательно к России настроенное.

И покачал головой:

– Это не упрощает задачу.

Теперь удивился Карпицкий:

– А разве я обещал ее упростить?

Валентин промолчал.

Он смотрел в сторону автостоянки, где парковался серый «жигуль» с заляпанными грязью номерами.

– Наоборот, – усмехнулся Карпицкий, закуривая. – Я сразу предупредил вас, что задача предстоит не простая. Сложная предстоит задача, сразу предупредил вас я. Может, и непосильная. Так что, если вы чувствуете какие-то сомнения, лучше сразу прекратить разговор. Хотя... – Карпицкий внимательно глянул на Валентина. – Хотя преувеличивать сложность предстоящей задачи тоже не стоит. В конце концов, мы всегда имеем дело с людьми, прежде всего, с людьми. А люди они и есть люди. Не больше, хотя, конечно, и не меньше. Они не всегда уверены в себе, а иногда попадают под власть собственных эмоций...

– Знаете, – улыбнулся Карпицкий, как бы сглаживая невольную сухость разговора. – Года четыре назад в Латвии я наблюдал занятную сценку. Помните восемьдесят девятый год? – быстро спросил он. – Этакая безбрежная эйфория, бесконечное брожение умов, все вертится, как в тумане, всем страшно и весело, особенно в Прибалтике. А я как раз отдыхал в Дубултах в писательском Доме. Ну, море, ветер, работа, зато по вечерам в мой номер набивалось не мало разных людей. Я, знаете, любопытен от природы. Не сильно жалую любопытных, но сам любопытен. Интересно было общаться с узбеками, молдаванами, латышами, литовцами, вообще с людьми из союзных республик. Все же эпоха перемен... Больших перемен... – повторил Карпицкий задумчиво. – Вот они и собирались у меня. Выпивка, понятно, бесконечные разговоры. Как говорил латышский поэт Имант Ластовский: это сближает. Иногда даже слишком, – усмехнулся Карпицкий. – Однажды молдаванин Йон Мэнэскуртэ, обняв Иманта, зарыдал: «Ты же изучал историю! Ты же совсем умный человек! Ты же помнишь звездные часы нашей истории!» Йон всегда не был чужд пафоса, на нем молдаване всегда и горели. «Имант! Имант! – плакал он на плече латыша. – Ты ведь должен помнить, что когда-то наши страны граничили!» Как вы понимаете, – усмехнулся Карпицкий, – слова Йона меня удивили. «Латвия и Молдавия? – уточнил я. – Правильно я понял? Они граничили? Когда? Что происходило в такие периоды со странами, географически разделяющими их?» – «Ты русский, – ответил Йон. – Ты не поймешь, старший брат, – выговорил он с ненавистью. – Тебе мешают масштабы». Я всегда считал Иона другом, но в тот момент он действительно смотрел на меня с ненавистью.

Валентин кивнул.

Садясь в машину, он не сразу сумел включить портативный диктофон, спрятанный в кармане, и теперь был рад неожиданному отвлечению Карпицкого.

Но теперь диктофон был включен.

– Ваши претензии к банку?

– Банк, о котором идет речь, выступил гарантом одной весьма выгодной сделки, соглашение о которой подписала Московское Акционерное Предприятие и таллиннская фирма «Айдор». Этой фирмой руководил эстонский гражданин, немец по происхождению, Георг Хейнке. Думаю, что номинально руководил. Человек он был безвольный, неинтересный, это я точно знаю. В сделку его явно взяли только для того, чтобы он подписывал бумаги. Понимаете? В упомянутом банке в заранее определенный договаривающимися сторонами день должны были появиться наличные деньги в валюте – оплата за два четырехосных вагона самых совершенных на то время противогазов, отправленных в Таллин из России. Банк гарантировал получение валюты. Этой валютой Московское Акционерное Предприятие должно была рассчитаться с фирмами, оплатившими одному из российских оборонных заводов поставку указанных противогазов, ну и, понятно, покрыть собственные расходы.

– Кто оплачивал поставку противогазов?

– Строительная контора ЭСТТРАНССТРОЙ из-под Сургута, есть там такой посёлок Лянтор, и корейцы-предприниматели из Алма-Аты, из предприятия, называвшегося БОР.

– Это аббревиатура?

– Скорее всего. Наверное.

– Как она расшифровывается?

– Не знаю. Какие-нибудь казахские слова.

– И как сделка? Она действительно состоялась?

– Да, действительно состоялась, – кивнул Карпицкий. – И груз был отправлен в пункт назначения. Есть подтверждение того, что в назначенное время он пересек русско-эстонскую границу.

– Значит, строители из поселка Лянтор и корейцы-предприниматели из Алма-Аты выполнили свои обязательства?

– Несомненно, – кивнул Карпицкий. И покачал головой. – К сожалению, удачная часть сделки на этом заканчивается.

– А кто ее начал?

– Сделку?

– Вот именно.

– В сейфе у нас хранится расписка некоего господина Тоома, ныне гражданина независимой Эстонии...

– Расписка напрямую связана со сделкой?

– Нет... К сожалению, нет... Эта расписка связана с собственным долгом гражданина Тоома. В свое время он получил от Московского Акционерного Предприятия крупный кредит, но уклонился от его возврата, почему-то посчитав, что отделение Эстонии и ее самостоятельность дают ему право не признавать больше никаких долгов. Мы, впрочем, не сомневаемся, что рано или поздно господин Тоом вернет взятое. Ведь на плотность государственных границ, особенно таких прозрачных, как нынешняя граница Эстонии и России, не стоит особенно полагаться.

Опустив стекло, Карпицкий выбросил недокуренную сигарету.

– Этот господин был напрямую причастен к сделке с противогазами. Оно и понятно. При удачном раскладе господин Тоом мог покрыть сразу значительную часть собственного долга. В жизни, знаете, приходится наблюдать разные ситуации. Люди, попавшие в сеть долговых обязательств, иногда идут на что угодно. Просто диву даешься, на что способен отчаявшийся человек. Ведь чем невероятнее заключаемая сделка, тем невероятнее выглядит предполагаемая прибыль. Правда, господин Тоом человек трезвый и обстоятельный, к нему сказанное практи-

чески не относится. Он сразу оценил выгоду затеваемой сделки и ее реальность. Поэтому и позвонил в МАП, попросив организовать оплату противогазов.

– Откуда они должны были поступить?

– Из Самары, с оборонного завода КИНАП. Лянторские строители и алма-атинские корейцы должны были перечислить деньги в Самару, а из Самары в Таллинн должны были уйти вагоны с противогазами. Такова грубая схема. Ну, а банк РПЮЭ...

– Как это расшифровывается?

Карпицкий неопределенно повел плечом.

Собираясь на встречу, он, видимо, не собирался говорить об этом банке подробно, но теперь следовало отвечать, ведь речь шла не просто о банке, речь шла о доверии.

– Банк Развития Предпринимательства Южной Эстонии, – неохотно объяснил он. – К дню появления противогазов в Таллинне банк получал на хранение чемоданчик с наличной суммой для МАП. Понятно, в долларах США. Я уже говорил, что этой валютой мы должны были рассчитаться с алма-атинскими корейцами, а так же покрыть некоторые собственные расходы. Проблем с получением налички в Таллинне не предвиделось. Эстония уже тогда изо всех сил старалась показать себя европейским государством. На твое предприятие пришли деньги, у тебя есть удостоверение личности – ну и все, чего больше? Приходи и пожалуйста, забирай свои доллары. Или фунты. Или гульден. Главное, чтобы были соблюдены все формальные нормы права и законности.

– Зачем Таллинну потребовались противогазы?

Карпицкий пожал плечами:

– Нас это не интересовало.

– Но ведь речь шла о самых совершенных на то время противогазах, вы сами об этом говорите. Может, даже о какой-то секретной их модификации. А значит, все это затрагивало интересы России.

– Валентин Иванович, – вежливо, но твердо заметил Карпицкий, – мы сейчас находимся не в служебном кабинете. У нас приватная встреча. И обсуждаем мы не военные секреты, а частную ситуацию. Вам ли не знать, – усмехнулся он, – что Россия, как любое другое нормальное государство, всегда торговала и продолжает торговать кое-чем покруче, чем эти противогазы. В случившемся меня интересуют только невыплаченные долги. У меня неприятности из-за этих долгов, – сказал он проникновенно. – Достаточно крупные неприятности. С некоторых пор долги, о которых я вам толкую, превратились как бы в мои личные, поскольку именно я отвечал за проплату денег Алма-Ате. И разговариваю я сейчас не с официальным лицом госбезопасности, а с частным лицом, с профессионалом, который может мне помочь. Как вы собираетесь проводить операцию – дело ваше и меня несколько не интересует. Но если хотите, – Карпицкий жестко взглянул на Валентина. – Если хотите, то я скажу так. Российские деньги, неважно, принадлежат они мне лично, или вам, или вон тому неизвестному гражданину на автостоянке, или Московскому Акционерному Предприятию, это, в каком-то смысле, не просто наши деньги, а еще деньги нашей страны. Слыхали, наверное: чем богаче отдельный гражданин, тем богаче страна... Так что, в некотором смысле, Валентин Иванович, вы представляете и государственные интересы...

Он взглянул на Валентина и рассмеялся:

– Извините за лирику.

– Да ладно.

– Рад, что мы начинаем понимать друг друга, – Карпицкий повернул голову. В глазах его плавала усмешка: – Вы не поверите, но я никогда в жизни не видел ни одного противогаза вблизи.

– А в армии?

– Я не служил.

– А в школе? А в институте?

Карпицкий удивленно пожал плечами:

– Как это ни странно, я их и там не видел.

– Ну, ладно... Может, еще увидите... – ответил сбитый с толку Валентин. – Вернемся к делу. Кто стоял в конце цепочки? Кому предназначались указанные противогазы?

– Мне говорили... Это неважно, кто говорил, не обязательно всему верить, но мне как-то говорили, что к управляющему Таллиннским филиалом банка РПЮЭ, а может быть и лично к господину Тоому, обращался какой-то британец... Я точно не знаю... Может даже араб с британским подданством... Все это слухи, наверное... Позже я слышал и другую версию, о каком-то странном питерском человеке... Впрочем, я действительно ничего толком не знаю, да и не хочу знать. Думаю, что эстонцы попросту собирались выгодно перепродать полученные противогазы. Возможно, одной из тех ближневосточных стран, которые на момент сделки были блокированы международным сообществом. Но повторяю, что не знаю этого и знать не хочу. Одно известно, война – дело выгодное.

– Что же произошло в итоге?

– Когда вагоны с противогазами пришли в Таллинн, обещанной валюты в банке РПЮЭ не оказалось.

– А заказчик?

– А заказчик исчез. Он как сквозь землю провалился. А через некоторое время, ну прямо как по заказу и, видимо, не случайно, стал хиреть и распадаться банк РПЮЭ. В результате Московское Акционерное Предприятие оказалась в щекотливой ситуации: алма-атинские корейцы вполне резонно требовали свою часть валюты, ведь они свои обязательства выполнили, а мы никак не могли расплатиться с ними. Ведь речь шла о крупной сумме, о действительно крупной сумме, не меньше, чем в полмиллиона долларов, а мы не получили от сделки с противогазами ни цента. Конечно, мы опробовали кое-какие самостоятельные варианты, но вернуть деньги из Эстонии не смогли.

– Предположим, я захочу помочь вам, – заметил Валентин. – Как вы считаете, с кого следует распутывать все эти узелки?

– Ну, во-первых, существует уже упомянутый господин Тоом, – покосился Карпицкий на Валентина. – Все началось с его звонка, к тому же он наш персональный должник. У него в руках все нити, он по уши в этой истории. Во-вторых, существует некий господин Коблаков, ныне тоже подданный свободной Эстонии, а в недалеком прошлом учредитель банка РПЮЭ. В-третьих, в организации поставок заметную роль сыграл некто Вейхестэ, тоже учредитель и даже основатель Таллиннского филиала банка. И наконец, уже упоминавшийся мною Георг Хейнке. Человек это явно подставной, может оказаться чистой пустышкой, но все же на договоре стоит его подпись и противогазы ушли в Таллинн на адрес принадлежавшей ему фирмы. Скорее всего, Хейнке действительно пустая фигура, но копнуть его стоит. Очень даже стоит. У него могли сохраниться какие-нибудь важные документы. Эстонцы народ обстоятельный и обидчивый, а у нас есть серьезные основания считать, что в процессе проведения сделки с противогазами этого Хейнке сильно обидели.

Валентин кивнул.

– И еще одна немаловажная деталь, – дополнил сказанное Карпицкий. – Упомянутый господин Коблаков личность особенно занятная, но соответственно и самая опасная. Это не какой-то там Хейнке. Тот трусливо прячется в уютной квартирке где-нибудь на окраине Таллинна, пьет пиво и ничего не понимает. У него и квартира, наверное, небогатая...

– Коблаков работает в банке?

– Ну, что вы! – засмеялся Карпицкий. – И сейчас не работает, и раньше никогда не работал. Я ведь говорил: он учредитель банка. Если быть совсем точным, он один из учредителей банка. Так что сами видите, картина запутанная.

– А почему вы не обратились в официальные органы?

– Ну, не будьте наивным, Валентин Иванович, – сухо усмехнулся Карпицкий. – Речь идет о крупной сумме наличной валюты. Я уже говорил. Кто ж позволит нам таскать туда-сюда такую наличку? Конечно, сейчас кое-что уже можно было бы решить за счет безналичных платежей, скажем, через международный суд. Но для этого нам не хватает некоторых важных документов. Имей мы на руках такие документы, мы действительно могли бы подать в международный суд на банк РПЮЭ. Хотя... – усмехнулся Карпицкий. – Ну, вы наверное понимаете... Нам не хотелось бы касаться некоторых деталей дела, а на суде они непременно всплывут... Короче, мы бы плюнули на всю эту историю, выкинули бы ее из головы, но есть особые обстоятельства... Во-первых, деньги все-таки действительно крупные, а во-вторых, на нас сильно наезжают...

– Строители из Лянтора?

– Нет, корейцы из Алма-Аты.

– А каких документов вам не хватает, чтобы...

– Если возьметесь за дело, – улыбнулся Карпицкий, – вам будет предоставлена возможность познакомиться со всеми необходимыми для указанной работы документами.

Валентин кивнул.

Карпицкий понял его кивок по-своему:

– Разумеется, ваша работа будет хорошо оплачена. Даже по нынешним временам хорошо. В наше время деньги перестали быть объектом презрения, не так ли?

– Я должен подумать.

– Это само собой, – кивнул Карпицкий. – Вас куда подвезти?

– А вон до того поворота. Там я выйду.

...Возможно, это и есть как раз тот человек, который мне может помочь, без особого энтузиазма подумал Карпицкий, следя в зеркало заднего вида за Валентином, свернувшим к модному салону «Весна». Молод, спортивен, немногословен, мысль схватывает на лету. В глазах уверенность, но и раздумье. Правда, достаточно ли этого? *Ведь речь шла о самых совершенных на то время противогазах, значит, затрагивало интересы России.* Странная фраза. Неужели он все еще верит в честь и в совесть? Неужели казенный мундир, даже если его обычно не носят, способен так давить на мозги?

Впрочем, решил Карпицкий, если пообещать этому человеку хорошие деньги, да еще подтвердить, что ничего противозаконного совершать ему не придется, даже более того, придется в целом работать только на благо Родины, такой человек, несомненно, начнет рыть землю всеми копытами.

И вполне возможно – дороется.

И тогда...

Карпицкий с волнением представил готический домик под коричневой шиферной крышей и большой тихий сад, и сердце у него заныло.

Пусть это будет пригород Мюнхена. Пусть это будет тихий зеленый пригород Мюнхена. Это уже потом можно будет перебраться в солнечный Рим. Никаких этих злобных пятен ржавчины, от которых балдеешь, как от паленого алкоголя, никаких подгнивших деревьев, никакой плесени, никакой червивой земли, которой природа так демонстративно отгораживается от нас, ясно выказывая свое презрение к человеку.

Просто сад...

И черепичная крыша...

В тихом пригороде Мюнхена...

Никакого Подмосковья! Никакой Москвы!

Здесь не найдете вы прочной тверди, здесь только душа, только битва между добром и злом. Надоело. Все надоело. Здесь, в христианской стране, я существую между жизнью и смертью. Надоел бизнес по-русски. Надоело ломать голову над псевдоэтическими вопросами. Вообще надоело ломать голову в стране, в которой не работают никакие законы.

Этот человек должен справиться, подумал Карпицкий.

Этот человек не настолько умен, чтобы не справиться. Он не запутается в деталях как раз потому, что не настолько умен. Вполне возможно, что он сделает то, что оказалось не под силу придуркам из...

Карпицкий оборвал себя.

К черту придурков! Не стоит о них вспоминать.

Расслабься.

Думай о тихом домике...

В пригороде Мюнхена, в солнечном Риме, никак не ближе...

Ave Maria gratia plena Dominus fecum Benedicta tu in mulieribus...

Итальянская поэзия всегда утешала Карпицкого...

Плачь, плачь – я куплю себе холодильник, «Бош» в миниатюре, терракотовую копилку, тетрадку в тринадцать линеек, акцию «Монтекатини»; плачь, плачь – я куплю себе белый противогаз, пузырек тонизирующей микстуры, железного робота, катехизис с картинками, географическую карту с победными флажками; плачь, плачь – я куплю себе резинового кашалота, бассейн, рождественскую елку с иголками, пирата с деревянной ногой, складной нож, красивый обломок красивой ручной гранаты; плачь, плачь – я куплю себе столько старинных марок, столько свежего фруктового сока, столько деревянных пустых голов, что этот мир уже никогда не будет казаться грустным...

Этот человек справится, решил Карпицкий.

Просто ему надо хорошо заплатить.

О деньгах думал и Валентин.

«Этот перец сказал, что хорошо оплатит работу. Даже по нынешнему времени хорошо. Интересно, что он имел в виду? Как это *хорошо*? Что в его понимании означает это *хорошо*?»

И решил: «Ну, наверное, не хуже, чем платят ребятам из „Алекса“».

Пресловутых ребят из «Алекса» Валентин недолюбливал. Конечно, считал он, ребята из «Алекса» сумели получить лицензию на частный сыск, но их сыск все-таки еще не настоящий.

– Ты ходил на встречу с диктофоном? – удивился Сергей.

– Разумеется, – усмехнулся Валентин.

– Но ведь речь шла о доверительной встрече!

Валентин снова усмехнулся:

– А ты можешь мне указать истинную меру доверительности? А? Что молчишь? Что это такое – доверительность? Желание работать без подстраховки? Слепая вера во все то, что скажет этот твой перец?... Нет, все упирается в самые простые вещи, – опять усмехнулся он. – Я ведь не слишком знаю бизнес. Вдруг неправильно пойму какую-то деталь, вдруг неправильно расслышу какой-то термин или неверно его растолкую? Я же профессионал. Я не привык получать по голове из-за неправильно расслышанного термина... Кстати, – взглянул он на несколько растерявшегося Сергея. – Что могут означать слова о том, что мне могут *хорошо* заплатить?

– Если Карпицкий сказал хорошо, значит, так тебе и заплатят.

Сергей не выдержал:

– Вы договорились?

Валентин неопределенно пожал плечами:

– Я еще не сказал да.

Нулевой вариант

Поднялся Сергей рано.

Он привык вставать рано – еще со времен своего доцентства.

Прежняя институтская жизнь казалась теперь страшно далекой.

Лекции по математике, практика по теории вероятности, динамическое программирование. Ко всему этому надо было заранее подготовиться, потому он и вставал рано. Вспомнить страшно, как давно это было. Все равно о кафедре Сергей вспоминал со сложным чувством облегчения и сожаления. В конце концов, это была интересная, хотя и откровенно плохо оплачиваемая работа.

Кстати, ничего с тех пор не изменилось.

Об этом он мог судить по встречам с бывшими коллегами.

– Погляди, Рыжий, в чем хожу, – пожаловался как-то доцент с кафедры математики (они случайно встретились в Томске в Нижнем гастрономе на Ленина). – Вот погляди! – и с непонятным укором продемонстрировал действительно залоснившийся лацкан пиджака. – Ты думаешь, я неаккуратен? Ты думаешь, я не умею носить одежду? – И вдруг взорвался: – Я прежде жил, как человек! Я прежде нужен был государству! Прежде мне совсем не надо было задумываться над тем, буду ли я носить этот костюм десять лет или сменю его уже через год. Прежде я вообще ни над чем таким не задумывался. Мне не было нужды задумываться над такими вещами. Я занимался нужным для людей делом, которое и сейчас считаю нужным. Я учил студентов и знал, что государство вовремя меня поддержит. А сейчас? Куда подевалась поддержка? Почему всем нужное дело перестало меня кормить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.